

Подписная цена на год	11 р. 50 к.
" " полгода	6 р. —
Для "судраблотинов" при подписке на год	8 р. 50 к.
" " " " полгода	4 р. 80 к.

No 47

(Вопросы семейно-брачного права и судоустройства.)

Как известно, проект Совета Народных Комиссаров изменил несколько статью проекта Наркомюста относительно доказательств брачного сожительства в случае, если брак не был зарегистрирован. Совет Народных Комиссаров соединил три признака брачного сожительства—факт совместного сожительства, палачие при этом сожительство общего хозяйства и выявление супружеских отношений перед третьими лицами,—тогда как проект Народного Комиссариата Юстиции оставлял для свободной оценки судей примерный перечень доказательств, не считая необходимым соединение этих трех признаков. Сессия, как известно, приняла предло-

жение Совета Народных Комиссаров. Это, несомненно, очень существенное принципиальное изменение нашей первоначальной мысли. Такая редакция статьи вносит некоторые ограничения в правовой охране материальных интересов незарегистрированных супругов, но даже и в такой редакции Кодекс ушел чрезвычайно далеко от действующего закона, который в ст. 52 декларировал, что только брак зарегистрированный в установленном законом порядке порождает юридические последствия.

Остановлюсь еще на некоторых моментах нового Кодекса, которые представляют для нас большой интерес.

Новый Кодекс вопрос о брачном возрасте разрешает в том смысле, что устанавливает единый брачный возраст для обоих полов и этим возрастом является 18 лет, как для мужчины, так и для женщины, т.-е. гражданское и политическое совершеннолетие. В проекте Совета Народных Комиссаров, в главе о правах и обязанностях супругов, было сказано, что перемена места жительства одним из супругов не создает для другого супруга обязанности следовать за ним. Сессия сделала очень существенное пополнение. Сессия постановила в Кодексе указать наряду с этим принципом, вытекающим из равенства супругов, что оба супруга пользуются полной свободой выбора занятий и профессий и что порядок ведения общего хозяйства устанавливается по взаимному соглашению супругов. Здесь нет ничего нового по сравнению с действующим Кодексом, но напомнить об этом в законе, конечно, было полезно.

Стоит отметить, что знаменитый спор о многоотцовстве разрешен сессией так, как предлагал Народный Комиссариат Юстиции и Совет Народных Комиссаров. Суд выносит, сообразно обстоятельствам дела и интересам детей, решение о признании одного лица отцом ребенка и на него возлагает обязанность участвовать в расходах, связанных с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка, а равно и матери ребенка в течение ее беременности и 6-месячного срока после родов, даже в тех случаях, когда, при рассмотрении вопроса об отцовстве суд установил, что мать ребенка в период зачатия была в половых сношениях не только с лицом, на которое она указывает, как на отца ребенка, но еще и с другими лицами.

Интересно примечание, которым сессия дополнила статью, предоставляющую в известных случаях лицам, имеющим право на содержание (алименты), право требовать его судебным порядком. Сессия прибавила: «Решение суда может быть впоследствии изменено судом в исковом порядке в случае изменения материального положения родителей или детей». Могут сказать, что это само собой понятно. Это действительно само собой понятно, и пленум Верх. Суда РСФСР еще в феврале 1924 г. («Е. С. Ю.» 24 г. № 14) разъяснил, что по делам об алиментах в случае наступления новых обстоятельств, влияющих на размер взыскиваемых сумм, такие новые обстоятельства могут служить основанием для предъявления в общем порядке иска об уменьшении или увеличении на будущее время взыскания. Тем не менее суды довольно часто выносят решение о взыскании, скажем, одной трети жалования, которое остается в силе в течение ряда лет, когда положение платящего могло значительно ухудшиться, а положение матери могло значительно улучшиться. Законодатель совершенно правильно счел нужным напомнить об этом населению.

Особенно существенное значение для регулирования вопросов, связанных с взысканием алиментов в деревне, имеет ст. 57 Кодекса, принятая сессией в редакции Совнаркомом. Определяя порядок взыскания средств на содержание ребенка с члена трудового земледельческого хозяйства (двора), когда личных средств ответчика недостаточно для обеспечения ребенка, Кодекс предоставляет право на получение

содержания из той доли общего имущества двора, которая причитается ответчику. При этом упомянутое взыскание алиментов допускается только в отношении таких членов двора, которые ведут общее хозяйство, и оно может быть обращено только на денежные суммы и продукты хозяйства, но не должно выражаться в принудительном выделе земли, скота, инвентаря и других предметов общего хозяйственного обзаведения двора. В случаях имущественного выдела доля выделяющегося в общем имуществе двора должна определяться пропорционально количеству вложенных им в хозяйство труда и средств.

Как известно, Совет Народных Комиссаров в проект Наркомюста внес изменение в смысле расширения круга родственников, по закону обязанных к взаимной поддержке, распространив эту обязанность в известных случаях на братьев и сестер, на деда, бабу и внуков. Мы на сессии отстаивали сохранение более узкой семьи, но принята в конце-концов точка зрения Совета Народных Комиссаров.

Кодекс принят уже в окончательной редакции. На днях он будет опубликован с тем, чтобы, как я сказал выше, он мог войти в жизнь с началом следующего нового года. Конечно, отдельные статьи этого Кодекса надо будет приспособить к бытовым и национальным условиям автономных республик и автономных областей, что может быть проведено Президиумом ВЦИК по представлению ЦИК'ов автономных республик и исполкомов автономных областей.

В новый 1927 г. мы вступим с новым Кодексом о браке, семье и опеке, который, будучи в основе построен на принципиальных положениях, развитых еще в первых декретах Советской власти о браке и разводе и относящихся к декабрю 1917 г., делает серьезный шаг вперед, именно в том смысле, что какое бы большое значение ни имела в глазах закона регистрация брака, закон не отказывает в охране и правовой защите материальных интересов, вытекающих из брака, даже если он не был зарегистрирован, как этого желает закон, исходя из той основной мысли, что в конечном счете материальные последствия брака вытекают не из формального акта его регистрации, а из материального содержания фактических брачных отношений между мужчиной и женщиной, отянувшись под этими фактическими брачными отношениями не разумея случайной встречи, случайной половой связи. Последняя никакого отношения к рассматриваемому вопросу не имеет и иметь не может, поскольку в Кодексе речь идет о взаимоотношениях между супругами. Само собой разумеется, что интересы детей даже и в этом последнем случае, т.-е. в случае мимолетной половой связи, защищены твердо новым Кодексом, как твердо защищались законом и до сих пор.

Положение о судеустройстве подверглось на сессии обстрелу с двух сторон: со стороны представителей краевых объединений и со стороны автономных республик. Содержание нашего спора и с теми и с другими в достаточной степени известно читателям «Еженедельника» из предыдущих статей. Сейчас мы считаем нужным только указать, как сессия разрешила эти два вопроса.

Прежде всего, по вопросу о краевых объединениях спор шел только о том, следует ли или не следует крайевым судам предоставить кассационные функции по отношению к окружным судам, рискуя этим разбить единую кассационную практику Верховного Суда РСФСР.

Считаем необходимым отметить, что как на пленуме сессии, так и в специально избранной комиссии не было представлено по сути дела ни одного делового аргумента против системы, выдвинутой Народным Комиссариатом Юстиции, кроме разговоров на ту тему, что край представляет из себя крупную территориально и экономически

единицу и что поэтому, якобы, необходимо, чтобы подавляющая масса судебных дел, которые разрешаются в пределах края, в пределах же края и получали свое окончательное утверждение.

Нет ничего поэтому удивительного в том, что сессия стала на точку зрения Народного Комиссариата Юстиции, которая предварительно была одобрена Советом Народных Комиссаров, и приняла наш проект, поручив только Совету Народных Комиссаров рассмотреть вопрос о возможности предоставления крайвым судам права рассмотрения в кассационном порядке ряда дел, подсудных окружным судам. Здесь, значит, речь идет только о том, что Совнарком должен обсудить вопрос, можно ли выделить какую-либо категорию дел, подсудных окружным судам, по которым кассационное обжалование шло бы не в Верховный Суд РСФСР, а в краевой суд.

Есть, конечно, целый ряд довольно существенных поправок к нашему проекту, но излагать их в настоящей статье было бы более чем затруднительно. С ними возможно ознакомиться только по тексту. Мы ограничимся тем, что укажем, что значительно более четко уточнены функции как обычного, так и расширенного пленума краевого суда.

В частности, расширенному пленуму краевого суда предоставлено право рассмотрения вопросов материального и процессуального права вне связи с конкретными делами, как это требуется в отношении пленумов губсудов. Но все решения пленума крайсуда в этих случаях должны представляться на утверждение Верховного суда.

В отношении обл. судов в автономных областях точно оговорено, что эти суды действуют на правах губернских судов и что в краевых объединениях они не входят в состав судебных учреждений, подведомственных краевому суду. Попутно надо отметить, что постановлением сессии в отличие от положений о судостроительстве Северо-Кавказского и Сибирского краев прокуроры автономных областей, входящих в краевые объединения, также уравнены в правах с губпрокурорами и становятся непосредственно подчиненными Прокурору РСФСР и независимыми от краевого прокурора.

В целях большего приближения суда к населению сессия включила в Положение о судостроительстве специальную статью, устанавливающую, что камера народного суда должна непременно находиться на территории обслуживаемого ею участка.

Некоторой переработке подверглась та часть проекта нового Положения о судостроительстве, которая касается автономных республик. Здесь, во-первых, несколько изменена архитектура раздела 7 проекта НКЮ, а во-вторых, внесены кой-какие и принципиальные изменения в сравнении с нашим первоначальным проектом. Сохранен основной принцип, что на Народный Комиссариат Юстиции РСФСР возлагается проведение общей линии судебной политики на территории РСФСР и в пределах, предоставленных ему Положением о Наркомюсте РСФСР, право истолкования общедеревитивного законодательства, что Прокурор РСФСР вправе приостановить и опротестовать любой приговор или решение, вынесенное судебным учреждением РСФСР. Введено как новое: что Народному Комиссариату Юстиции РСФСР предоставляется право производства ревизий, связанных с инструктированием судебных учреждений автономных республик, с тем, однако, чтобы вытекающие из ревизионного обследования предложения представлялись в ЦИК и автономных республик, и что в области надзора за соблюдением законов Союза и РСФСР прокуроры автономных республик обязаны выполнять все распоряжения Прокурора РСФСР, а в случае протеста ЦИК'ов автономных республик вопрос переносится на разрешение в Президиум ВЦИК.

Высшим органом, руководящим деятельностью всех органов юстиции автономных республик, является наркомюст этой республики. Для непосредственного руководства судебной практикой и осуществления права высшего судебного надзора на территории автономной республики действует или главный суд или отделение Верховного Суда, если таковое существует. Наркомюст автономных республик организует, руководит, инструктирует и ревизует судебно-следственные учреждения своей республики, включая сюда и главный суд. Наркомюст автономной республики толкует законодательство этой республики и дает заключения по вопросам законодательства Союза и РСФСР по запросам органов власти и учреждений автономных республик.

В автономных республиках действует следующая система судебных учреждений: народный суд и главный суд. В автономных республиках, имеющих губернский территориальное деление, действуют: народный суд, губернский суд и отделение Верховного Суда РСФСР (последнее в каждом отдельном случае с разрешения Президиума ВЦИК).

Главный суд автономных республик является: а) органом судебного надзора в отношении судебных учреждений автономных республик; б) кассационной инстанцией в отношении народных судов автономных республик и в) судом первой инстанции в отношении дел, отнесенных законом к его ведению. В целях расширения прав главсудов по сравнению с губсудами и даже крайсудами пленумам их предоставлено право не только рассматривать вне связи с конкретным делом вопросы, связанные с неясностью и неполнотой законов, но и самим разрешать эти вопросы, с тем, однако, что копии этих постановлений должны направляться в Верховный Суд РСФСР. Главный суд представляет каждые полгода отчет о своей деятельности в ЦИК и наркомюст автономной республики и в копиях Верховному Суду РСФСР и Наркомюсту РСФСР.

Прокуратура автономных республик организуется и действует согласно общим правилам соответствующих разделов Положения о судостроительстве, касающихся прокуратуры, с изъятиями, предусмотренными в ряде отдельных статей. Прокурор автономной республики представляет отчет о своей деятельности в президиум ЦИК'а своей республики и копию такого отчета направляет Прокурору РСФСР.

Новое Положение сохранило прежнюю мысль относительно того, что кассационной инстанцией по отношению к главному суду является Верховный Суд РСФСР, но одновременно с этим сессия признала необходимым разработать проект постановления о расширении подсудности народных судов в автономных республиках для того, чтобы таким образом расширить компетенцию главных судов этих республик, поскольку последние являются кассационной инстанцией по отношению к народным судам. Это постановление кстати совпадает с постановлением, вынесенным уже несколько месяцев тому назад Малым Совнаркомом РСФСР, который поручил Наркомюсту не позже 1 декабря текущего года представить законопроект, направленный к расширению подсудности народных судов. Мы будем эти два вопроса рассматривать одновременно.

В дальнейшем подверглись уточнению некоторые статьи, касающиеся Верховного Суда РСФСР, а также внесены поправки и в другие части нашего проекта, которые отчасти носят характер принципиальный, а большей частью технико-редакционный.

Мы можем с полной уверенностью сказать, что в ближайшее время мы будем иметь новое Положение о судостроительстве РСФСР, которое будет отличаться от действующего Положения о судостроительстве большей четкостью, большей ясностью, полной согласованностью с основными началами судостроительства Союза. В первый раз наше Поло-

жение о судостроительстве включает в себе специальный раздел о судостроительстве в краевых объединениях. В первый раз Положение о судостроительстве определяет не только организацию суда и прокуратуры в автономных национальных республиках, но с максимальной четкостью и ясностью определяет взаимоотношения органов юстиции РСФСР и органов юстиции автономных советских социалистических республик.

Вот что можно было сказать в общей статье о тех двух громадной важности законопроектах, которые Народный Комиссариат Юстиции провел на последней сессии ВЦИК.

Я. Бранденбургский.

Преступления против личности *).

В статье тов. Рогинского «Самосуды» («Е. С. Ю.» № 40—1926 г.) поставлен очень острый вопрос о крайне серьезной социальной опасности самочийных расправ с отдельными лицами, заподозренными или уличенными в различных преступлениях, со стороны как должностных лиц, так и частных граждан. Связывая борьбу с самосудами, должностными и частными, с общей борьбой за основы революционной законности, тов. Рогинский совершенно основательно устанавливает в судебной практике некоторый безусловно неправильный уклон в сторону недооценки социальной опасности самосудов и, как следствие этого, недопустимо мягкий подход судов при определении мер социальной защиты.

Целиком присоединяясь к положениям, развитым тов. Рогинским в его статье, мы считаем в то же время, что вопрос о самосудах является лишь частью более общего вопроса о преступлениях против личности. Роль и значение этой последней категории преступлений в системе советского уголовного права еще недостаточно осознаны многими судебными работниками; по этому вопросу существует в судебной практике ряд неясностей, а в настоящий момент жизнь резко выдвигает необходимость правильной оценки социальной опасности преступлений против личности и тщательного проведения в этой области вполне точной и выдержанной линии карательной политики.

В инструктивном письме УКК Верховного Суда РСФСР № 1—1926 г. было обращено внимание судов на замечательное неправильное применение ст.ст. 28 и 36 УК по делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 142, 143 и 149 УК («Е. С. Ю.» № 8).

По делам, прошедшим через УКК Верховного Суда за 1925 г., можно установить, что средний срок лишения свободы по ст.ст. 142 и 143 УК равняется, примерно, 4 годам 7 месяцам, а по ст. 149 УК—2 годам 7 месяцам. Конечно, эти цифры очень не точны, но неточность их выражается в том, что в действительности средний срок лишения свободы безусловно меньше: при выводе этих цифр не учтены необжалованные приговоры, а по таковым мера социальной защиты обычно очень незначительна, а затем в расчет не приняты условные приговоры, так как невозможно для условного и безусловного лишения свободы найти общий коэффициент.

Таким образом, можно констатировать слишком мягкий подход судов к тяжким преступлениям против личности.

УКК Верховного Суда с этим уклоном ведет решительную борьбу, очень часто отменяя приговоры за неправильным применением ст.ст. 28 и 36 УК.

Мы считаем своевременным выдвинуть общее положение о необходимости усиления репрессий за преступления против личности.

*) Печатается в порядке обсуждения. Редакция.

Какое положение занимают преступления против личности в системе советского уголовного права и каково их значение в нынешних условиях? Дадим краткую предпосылку принципиального и исторического характера.

Обычное, свойственное буржуазному уголовному праву, резкое разграничение преступлений против общества и преступлений против личности в советском уголовном праве получает не абсолютный, а весьма относительный, условный характер: всякое действие рассматривается как преступление лишь в тех случаях, когда оно угрожает основам Советской власти или советскому правопорядку (ст. 6 УК), т.-е. в той или иной степени посягает на интересы целого. В связи с общим, принципиальным отрицанием «неотъемлемых», самоудовлетворяющих прав личности, интересы которой во всех областях советской общественной жизни и общественного строительства неизменно подчиняются интересам целого, всевозможные нарушения прав и интересов личности рассматриваются советским уголовным правом как преступления, как социально-опасные явления лишь постольку, поскольку они в какой-либо мере вместе с интересами личности угрожают и интересам целого, интересам коллектива *). По этим основаниям выделение в Угол. Код. преступлений против личности в особую категорию (глава 5), противопоставляемую преступлениям против общества (контр-революционным, против порядка управления и т. д.), имеет лишь тот смысл, что под преступлениями против личности понимаются преступления, непосредственно направляемые на права и интересы личности, но косвенно обязательно затрагивающие интересы коллектива; под преступлениями же против общества понимаются те преступления, которые непосредственно, в первую голову затрагивают интересы целого, нарушение же интересов личности может при них являться сопутствующим, иногда квалифицирующим (отягчающим) моментом (напр., превышение власти с избитием, бандитизм с убийством).

На практике из этой принципиальной предпосылки иногда делается принципиально неверный вывод: преступления против личности рассматриваются как преступления второстепенной важности по сравнению с преступлениями против общества, а потому и влекут применение более мягких мер социальной защиты. Неправильность этого вывода заключается прежде всего в том, что не дооценивается социальная опасность, т.-е. опасность для общества в целом, преступлений, непосредственно направленных против личности, а затем и в том, что упускается из виду неравноценность отдельных преступлений, входящих в категорию преступлений против общества и личности. Если контр-революционное восстание, шпионаж, бандитизм (ст. 76 УК) всегда и во всех случаях несравненно опаснее любого преступления против отдельной личности, то в то же время тяжкие преступления против личности—убийства, изнасилования, тяжкие избиения,—как правило, ни в коем случае не менее, а значительно более опасны для общества в целом, чем, напр., кражи из гос. учреждений не особо крупного размера или должностная халатность, хотя эти последние преступления непосредственно затрагивают интересы гос. органов или учреждений, т.-е. составных частей гос. аппарата.

Далее, мы считаем, что недооценка опасности преступлений против личности в некоторой степени обуславливается пережитками взглядов, связанных уже с отжившими социальными и политическими условиями.

*) Некоторое исключение из этого правила составляют так называемые уголовные дела частного обвинения (ст. 10 УПК), возбуждаемые по жалобе потерпевшего, о которых см. мою статью в № 41 «Е. С. Ю.»—«Уголовные дела, возбуждаемые по жалобе потерпевшего», М. С.

В первый период Октябрьской революции, характеризующийся строительством новых форм общественной жизни в условиях ожесточенной гражданской войны, совершенно естественно все внимание Советской власти и советской общественности было сосредоточено на тех преступлениях, которые непосредственно подрывают функционирование хотя бы маленького винтика еще ненамеченного и только строящегося гос. аппарата или хотя бы в незначительной мере нарушают еще неустоявшийся правопорядок. В условиях тяжелого голода хотя бы незначительная кража из обладающего скудными припасами госсклада—преступление сугубо тяжелое. На фоне всплеск контр-революционных восстаний отдельные столкновения частных граждан на личной почве, хотя бы и с тяжелыми последствиями, естественно, отходят на задний план. Вот с этими-то условиями прошлого связанные настроения, на наш взгляд, не изжиты до некоторой степени и теперь, при совершенно иных условиях и иной обстановке, требующей от судебных органов совершенно иного подхода. Хозяйственное строительство в направлении развития социалистических элементов народного хозяйства, культурное строительство новых форм быта в направлении изживания частично сохранившихся от буржуазного строя бытовых отношений—таковы основные задачи, которые ставят перед собой Советская власть и советская общественность. Общественная жизнь строится на началах революционной законности, при которой рамки закона и правопорядка, предоставляющие гражданам определенную сумму прав, являются обязательными как для органов власти, так и для самих граждан.

При этих условиях в настоящий момент преступления против личности представляются уже в ином свете, получают иное значение: для охраны установленного правопорядка, для внедрения новых бытовых отношений, для поднятия культурного уровня населения необходимо принимать самые решительные меры против всяких посягательств на предоставленные гражданам права и обеспечить личность граждан от посягательств на ее жизнь, здоровье и достоинство.

Если в первые годы революции нарушения советского правопорядка шли по линии, главным образом, заговоров, восстаний и политического бандитизма, то ныне нарушения правопорядка идут преимущественно по линии преступлений против личности. Самосуды, избиения, убийства, изнасилования и т. п. в настоящее время являются особо тяжелым злом, тормозящим дело организации новых форм быта и внедрения в сознание массы культурных навыков, и эта область является немаловажным участком общего фронта, на котором идет борьба за социалистическое строительство.

Приведенные в начале настоящей статьи данные безусловно устанавливают недооценку судами преступлений против личности. Приведенные же в статье тов. Рогинского примеры из судебной практики вполне применимы и для иллюстрации положений нашей статьи. Пара примеров приведена в инструктивном письме УКК, на которое мы выше ссылались. В качестве дополнительного примера можно привести следующий. Один молодой крестьянский парень-батрак является к вдове-середнячке и возмезд желанно войти к ней в хозяйство в качестве приймака, а когда хозяйка отказалась, предложил ей выйти за него замуж, желая таким путем обзавестись хозяйством. Получив вторичный отказ, батрак из мести к хозяйке заманил в сарай ее сына, мальчика 3 лет, удушил его и труп ребенка направил матери через брата ребенка, мальчика лет 11. По ст. 142 УК суд приговорил обвиняемого к 8 годам лишения свободы, но по ст. 28 УК снизил меру социальной защиты до 3 лет, при чем главным мотивом сни-

жения была классовая принадлежность обвиняемого к беднейшему крестьянству и его темнота. УКК Верховного суда отменила приговор за неправильным применением ст. 28 УК, так как по характеру преступления ни классовая принадлежность, ни темнота ни в коей мере не являлись исключительными смягчающими обстоятельствами.

Далее, нередки случаи применения ст.ст. 28 и 36 УК по делам о групповых изнасилованиях, произведенных в самых безобразных условиях издевательства и истязания потерпевшей. Вообще за изнасилование суды применяют очень часто ст.ст. 28 и 36 УК, хотя последняя статья по своему смыслу, как правило, неприменима к изнасилованию: трудно себе представить возможность у обвиняемого «тяжелого стечения жизненных обстоятельств», как непосредственной причины, толкнувшей его на изнасилование, и вряд ли правильно в отношении учинившего изнасилование лица ограничиться предупреждением, что при повторении этого преступления он понесет сугубую репрессию, тем самым как бы допуская возможность повторения изнасилования в течение испытательного срока. Изредка в судебной практике встречаются чисто анекдотические мотивировки применения ст. 36 УК по делам об изнасиловании, вроде тяжелого семейного положения, болезни жены и неудовлетворенной вследствие этого половой потребности...

Разумеется, выдвинутое нами положение о необходимости усиления репрессий за преступления против личности не следует понимать, как установление трафарета по этим делам: как и по всем делам, по делам о преступлениях против личности необходимо индивидуализировать применение мер социальной защиты применительно к обстоятельствам, указанным в ст.ст. 24 и 25 УК, но общая линия карательной политики должна быть выравнена именно в направлении усиления репрессии, при чем это положение касается, главным образом, тяжких преступлений против личности: умышленные убийства, тяжкие избиения, изнасилование (ст.ст. 142, 143, 149, 167—169 УК). По делам о малозначительных преступлениях против личности, не имеющих серьезных последствий, или о преступлениях, включающих смягчающие обстоятельства в число своих существенных признаков (ст.ст. 144, 151, 157 и проч.), вполне возможен более мягкий подход.

Заканчивая настоящую статью, мы считаем необходимым указать, что четкое определение правильной линии карательной политики особенно важно именно сейчас, в связи с предстоящим введением УК в новой редакции, проводящей значительное смягчение санкций, при чем за преступления против личности предполагается установление не минимальных («не ниже»), а максимальных («до», «не выше») пределов репрессии.

При такой конструкции статей особенной части УК за умышленное убийство из корыстных побуждений суды даже без применения ст. 28 УК смогут определить любой срок лишения свободы (хотя бы неделю). По-этому в связи с предстоящей отменой стесняющих суд твердых рамок минимального предела репрессии за преступления против личности необходимо вопрос о правильной линии карательной политики в этой области поставить со всей определенностью, чтобы предупредить возможность усиления уже сейчас существующего уклона. В случае же, если в судебной практике снижения репрессии за преступления против личности увеличатся, естественной реакцией против этого будет учащение отмены приговоров по мотивам мягкости, что повлечет, в свою очередь, лишнюю загрузку судов.

М. Строгович.

Трудовые конфликты в деревне и народный суд.

Вопрос о правильном регулировании наемного труда в деревне является одним из основных вопросов политики Советской власти в деревне, и в разрешении его чрезвычайно ответственная роль принадлежит народному суду, так как он призван к защите интересов батраков в случаях наиболее серьезных нарушений нанимателями трудовых норм нашего законодательства.

Поэтому сейчас, после более чем годичного опыта применения нарсудами «временных правил», регулирующих наем труда в крестьянских хозяйствах, чрезвычайно важно учесть, насколько нарсуды справились со стоящей перед ними задачей, каковы недочеты в их работе и чем они вызваны. Своевременность постановки этого вопроса обуславливается еще и тем, что сейчас в нарсуды начинают поступать дела о трудовых конфликтах, возникших на почве неправильной оплаты труда во время летних страдных работ.

Произведенное Сибирским краевым судом специальное обследование трудовых деревенских дел приводит к ряду выводов, диктующих необходимость принятия теперь же мер к устранению ненормальностей, имеющихся в этой области.

В 1925 г. в среднем в каждый судебный участок поступало ежемесячно 8 дел по искам батраков. В первой половине 1926 г. количество этих дел значительно увеличивается, доходя до 10,4 дела в месяц на участок, при чем необходимо иметь в виду, что главная масса этих дел поступает во второй половине года, после окончания сезонных работ, и, след., средняя цифра поступления в 1926 г. к концу его значительно увеличится.

Большое количество исков о зарплате, составляющее в 1926 г. 12,7% общего количества поступивших гражданских дел, объясняется тем, что далеко не все дела, заведенные нарсудами, как трудовые, таковыми в действительности являются. Как показало обследование, 28,7% всех этих дел отнесено к трудовым без всяких оснований.

Объясняется это тем, что нарсуды применяют трудовые нормы к искам супругов и приймаков о вознаграждении за вложенный труд, что встречается особенно часто, и к искам, вытекающим из договора подряда и других договоров. Отмечены даже отдельные случаи отнесения к трудовым делам исков, вытекающих из договора аренды.

Как на один из видов договоров, ошибочно относимых к трудовым и разрешаемых нарсудами по нормам трудового права, надо также указать на договор, по которому одна из сторон обязуется предоставить другой свою рабочую силу, а другая компенсирует ее предоставлением в ее распоряжение своей рабочей силы в другой период времени.

Отказ в иске полностью в 1925 г. встречается сравнительно редко, равняясь 24,1%, несколько чаще встречается частичное удовлетворение иска (28,7%) и 47,2% падает на удовлетворение иска полностью. Еще резче эта тенденция выявляется в первой половине 1926 г. Здесь отказ в иске равняется 21,2%, частичное удовлетворение — 26,2% и удовлетворение полностью — 52,4%.

Процент отмены решений остается в 1925 и 1926 г. почти одинаковым, равняясь в 1925 г. — 27,9% и в 1926 г. — 25,2% при общем проценте отмены решений по гражданским делам, равном по Сибири 39,2%.

Это свидетельствует о том, что нарсуды в общем справились удовлетворительно с разрешением трудовых дел, что подтвердилось и произведенным обследованием.

Однако, наряду с этим необходимо остановиться на ряде допускаемых нарсудами ошибок, характер которых обуславливается самой природой трудовых дел.

Несмотря на категорическое требование закона о том, что договоры о найме подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах должны быть облечены обязательно в письменную форму, почти все проходящие через нарсуды иски основаны на устных договорах. Очевидно, что батрачество еще недостаточно ознакомлено со всеми выгодами, которые дает ему письменная форма договора, и что местным органам союза сельско-хозяйственных и лесных рабочих не удалось еще охватить трудовыми договорами широкие массы батрачества.

При таком положении суду чрезвычайно трудно установить время работы, размер заработной платы, не говоря уже о размерах компенсации за износ одежды и прочих правах трудящегося, обусловленных «временными правилами» о найме подсобного труда. Затруднение это тем более усугубляется, что, как общее правило, устные договоры предусматривают обычно не денежную, а натуральную форму зарплаты, в виде одежды, обуви или определенного количества хлебобулочных продуктов.

Совершенно очевидно, что эти устные договоры, заключающиеся вне контроля профсоюза, зачастую носят кабальный характер, и если иметь в виду, что лишь ничтожная часть их попадает в суд, то надо прийти к выводу, что здесь мы имеем дело с явно нездоровым явлением, больно бьющим по интересам батрака.

Роль народного суда в этом вопросе особенно значительна, так как закон не придает никакой силы устным договорам, предписывая определять зарплату в случаях отсутствия письменного договора по средним ставкам соответствующей категории рабочих данной местности.

Народные суды, однако, иногда не понимают этого правила, путая понятие средней ставки с понятием госминимума зарплаты, и при отсутствии письменного договора присуждают зарплату в размере именно госминимума или ставок устного договора, которые обычно несравненно ниже размера средней ставки отдельных категорий рабочих.

Борьбу за обязательную письменную форму заключения трудовых договоров, как один из основных способов защиты интересов батрака, надо проводить путем широкой разъяснительной кампании и систематического отказа от признания за условиями устных договоров какой-либо юридической силы.

Среди других недочетов в работе нарсудов обращает на себя внимание весьма значительное количество прекращенных дел, доходящее до 24% общего количества трудовых дел.

Прекращение дел обычно происходит или вследствие примирения сторон или в виду отказа батрака от иска. В том, что стороны приходят без суда к соглашению или что батрак вследствие удовлетворения до суда его требований отказывается от иска, ничего плохого, конечно, нет, если эти отказы от иска и мировые сделки проходят под контролем суда.

Необходимо, однако, отметить, что в ряде случаев наши народные суды или вследствие перегруженности работой или вследствие недостаточного выяснения правил нашего гражданского процесса не уделяют этому вопросу достаточного внимания, не проверяя в соответствии с требованиями ст. 2 ГПК и циркуляром Верховного суда № 70—23 г. причин отказа и условий мировых сделок. В качестве примера можно привести случай из практики одного из нарсудов Ачинского округа, когда батрачка за 5 месяцев работы получила по мировой сделке всего 12 руб. Или еще более яркий случай, имевший место в другом нарсуде, когда ищица, предъявив иск о вознаграждении за работу в течение двух с лишним лет, примирилась на 25 руб.

Нарсудам надо на эту сторону обратить самое серьезное внимание, так как здесь мы имеем дело с откупом кулака

от законных требований трудящегося, совершаемом на основе его юридической неграмотности.

Необходимо остановиться и на ошибках, допускаемых парсудами при разборе дел пастухов. По этим делам наниматели обычно ссылаются на пропажу скота или потраву, произошедшие по вине пастуха. Народные суды в случаях, когда пропажа скота или потрава произошли действительно по вине пастуха, иногда вычитают из зарплаты стоимость пропавшего скота или произведенной потравы, т. е. разрешают эти дела по общим правилам гражданского права, а не в соответствии с инструкцией по применению «временных правил», забывая, очевидно, о том, что закон устанавливает в этих случаях не обязанность загладить причиненный действиями пастуха вред, а возместить ущерб в размере не свыше $\frac{1}{3}$ зарплаты за весь срок найма (пост. НКТ от 26/X—26 г.—«Изв. НКТ» № 40). Это ограждение интересов пастухов должно быть хорошо усвоено как парсудьями, так и трудящимися, так как в противном случае трудящийся вопреки требованию закона лишается причитающегося ему вознаграждения за труд.

Можно было бы несколько удлинить список нарушений закона, допускаемых парсудами в отдельных случаях при рассмотрении деревенских трудовых конфликтов, но остальные недочеты в работе парсудов не являются характерными для трудовых дел и изживаются путем систематического руководства вышестоящих судебных органов. Мы остановились лишь на тех ошибках, которые вытекают из самой природы деревенских трудовых отношений и которые, очевидно, являются характерными не только для парсудов Сибири.

Эти недочеты в работе парсудов в значительной степени могут быть изжиты не только усилиями судебных органов, но также и работой тех общественных организаций, которые призваны к пропаганде советского права.

У нас, в Сибири, почти при каждом РИК'е организованы бюро по оказанию юридической помощи населению, возглавляемые обычно судебными работниками. В первую очередь эти бюро должны поставить в центре своего внимания юридическую помощь батраку. Союз сельско-хозяйственных и лесных рабочих должен шире поставить свою защитную работу. Народные суды должны более тщательно выполнять предписания закона, каждым своим решением указывая трудящимся деревни пути защиты своих прав.

Надо, чтобы батрак знал все выгоды заключения договоров, надо, чтобы он знал как и где искать защиты своих интересов, ибо при этом условии в значительной степени изживутся перечисленные выше ошибки парсудов.

Этого можно и должно добиться соединенными усилиями парсудов и тех общественных организаций, которые работают в деревне.

Зав. инстр.-ревиз. отд. Сибирского крайсуда

С. Сельцовский.

Сибирь, г. Ново-Сибирск.

Жилищные права домовых работников и ст. 171-а ГК*).

В № 41 нашего журнала помещена статья Я. Ривлина—«Спорные моменты в применении ст. 171-а Гр. Код.». Так

* Печатаю настоящую статью, Редакция находит необходимым оговорить, что отсутствие под ст. Ривлина (№ 41 «Е. С. Ю.») примечания о помещении ее в дискуссионном по-

рядке, помещая эту статью, Редакция не сделала никаких оговорок, то у читателя, вполне естественно, может создаться впечатление, что выводы, к которым автор приходит, разделяются Редакцией и, как следствие этого, судебная практика по делам предусмотренной ст. 171-а категории может пойти по указанному Я. Ривлиным пути. Считая данный вопрос, несомненно, имеющим практическое значение, а отсутствие оговорки, что статья печатается в порядке обсуждения, случайным, я на разборе статьи попытаюсь доказать представляющуюся мне очевидной ошибочность вывода автора.

Привожу вкратце сущность вопроса. 2 сессией ВЦИК XII созыва в октябре прошлого года Гражд. Код. дополнен был ст. 171-а, давшей нанимателю право на предъявление иска об освобождении предоставленной им домовому или домашнему рабочему и служащему жилой площади через две недели после прекращения трудового договора, которым предоставление площади обусловливалось. В статье 17 пост. ВЦИК и СНК от 8 февраля т. г. «об условиях труда работников по найму, выполняющих на дому у нанимателя (домашние работники) работы по личному обслуживанию нанимателя и его семьи» («С. У.» № 8, ст. 57), определяемое в ст. 171-а право нанимателя было воспроизведено в виде указания на обязанность уволенного работника освободить предоставленное ему помещение по истечении двухнедельного срока по прекращении договора. Наконец, пост. ВЦИК и СНК от 2 августа т. г. («С. У.» № 50, ст. 383) ст. 171-а изменена в том смысле, что, во-первых, из нее исключены слова «домовые и домашние рабочие и служащие», ограничивавшие применение этой статьи указанной категорией работников, а, во-вторых, прежний двухнедельный срок, по истечении которого возможно было предъявление иска, заменен месячным.

В результате разбора приведенных законов Я. Ривлин приходит к следующему весьма категорическому выводу: «в случаях разрешения спора между нанимателем и домашними работниками по вопросу об освобождении ими жилой площади... суду надо руководствоваться декретом ВЦИК и СНК от 8 февраля 1926 г., а отнюдь не статьей 171-а Гр. Код.».

Каким же путем приходит он к такому выводу?

Во первых,—рассуждает Я. Ривлин,—действие новой ст. 171-а не может распространяться на домашних работников потому, что для них, в виде ст. 17 постановления 8 февраля, создана специальная норма, регулирующая вопрос о праве пользования ими жилой площадью. И самое-то изменение ст. 171-а произошло, по мнению автора, «в виду урегулирования вопроса» о домашних работниках.

Ошибка этого рассуждения заключается в том, что Я. Ривлин не только признает ст. 17 постановления 8 февраля специальной нормой по данному вопросу, но даже изменение статьи Гражд. Код. рассматривает как следствие издания этого постановления. Согласиться с этим и за названной 17 статьей признать значение такой специальной нормы, конечно, нельзя. В момент издания постановления 8 февраля, в котором, как в общем законе об условиях труда домашних работников, надо было оговорить и права их на жилплощадь, действовала ст. 171-а в прежней редакции. В несколько измененном редакционно виде эта по-

рядке, конечно, не значит, что выводы автора этой статьи, как и во всех подобных случаях, целиком и полностью разделяются Редакцией. Редакция обычно делает оговорку о дискуссионном характере статьи лишь в тех случаях, когда она признает целесообразным открытие дискуссии по затрагиваемому статьей вопросу.

Редакция.

следняя и вошла в постановление в качестве 17 статьи, которая, таким образом, явилась ничем иным, как простой ссылкой на ст. 171-а Гр. Кодекса, где, правда, вместо указаний статьи, как это делается обычно, из редакционных соображений дано краткое ее содержание. И в том, что при изменении ст. 171-а не было ни слова упомянуто о статье 17 постановления 8 февраля, я нахожу как раз лучшее подтверждение сделанной оценки формального значения ст. 17: считая ее производной от основной нормы—ст. 171-а, законодатель не считал нужным оговаривать необходимость ее изменения. Конечно, одновременное изменение ст. 17 постановления 8 февраля предупредило бы возникновение споров, подобных настоящему, но если это не сделано, нельзя только на этом чисто формальном пробеле строить выводы, затрагивающие существо вопроса.

Во-вторых, — говорит Я. Ривлин, — рассуждая иначе и допуская, что ст. 171-а Гр. Код. в измененной редакции регулирует также... право пользования домовыми служащими и домашними работниками жилой площадью, мы должны были бы прийти к выводу о том, что в новой ее редакции она противоречит постановлению ВЦИК и СНК от 8 февраля 1926 г.

Конечно, противоречие между названными законами имеется, но в соответствии с тем, что сказано выше, оно должно быть устранено путем согласования ссылочной ст. 17 постановления 8 февраля с той основной нормой, на которую она ссылается.

Наконец, Я. Ривлин, приводит еще одно соображение. Поскольку—говорит он—при опубликовании постановления об изменении ст. 171-а не было указано на отмену изданного президиумом Моссовета в 1925 г. постановления, аналогичного ст. 171-а прежней редакции, постольку, по крайней мере, для Москвы, для добровольного освобождения площади уволенным домашним работником сохраняется двухнедельный срок, т. е. указанное постановление, «изданное в пределах представленных Моссовету, как местному органу власти, по закону прав, сохранило свою силу». Я не знаю, из чего исходит Я. Ривлин, полагая, что при издании того или иного закона должны перечисляться отменяемые им постановления местных органов власти. Постановление Моссовета соответствовало прежней редакции ст. 171-а, а раз последняя изменена, оно без особого указания законодателя должно быть соответственно также изменено, ибо в противном случае оно перестанет быть постановлением, изданным в пределах представленных Моссовету прав и превратится в постановление незаконное, не только не подлежащее применению судами в порядке ст. 3 ГПК, но требующее отмены.

Основывая свой вывод на узко формальных соображениях, Я. Ривлин не задается вопросом: чем же могло быть вызвано со стороны законодателя такое выделение значительной группы трудящихся, как домовые и домашние работники, имеются ли какие-либо особые причины для того, чтобы ставить эту группу в гораздо худшие по сравнению с остальными группами условия? Мне кажется, что постановка такого вопроса имеет большое значение для разрешения спора. И считая, что видимых причин для такого умаления прав данной группы трудящихся найти нельзя, я прихожу к выводу о безусловном распространении действия ст. 171-а в новой ее редакции на домовых и домашних работников, находя подкрепление этого вывода в разъяснении, данном 14 сентября 1926 г. Отделом Законод. Предп. к Кодексу НКЮ по запросу Нар. Ком. Земледелия.

А. Иодиевский.

Надзорные дела в прокуратуре ГПК Верхсуда в связи с новой редакцией ст. 254 ГПК.

Согласно п. 1 ст. 254-6 ГПК Прокурору Республики, его Ст. Помощнику и Пом. Прокурора Республики при Верховном Суде предоставляется право в случае несогласия с постановлением пленума губ. суда по пересмотру в порядке надзора решения по гражданскому делу внесения этого постановления на рассмотрение в гражданскую кассационную коллегия Верховного Суда.

Для реального осуществления этого права циркуляром Прокурора Республики от 3 августа 1926 г. за № 147 председателям всех губернских, областных и краевых судов предложено сообщать копии всех постановлений пленумов названных судов, выносимых в порядке п. 1 ст. 254 ГПК, Пом. Прокурора Республики при Верховном Суде РСФСР.

Таким образом, в прокуратуре ГПК фактически сосредоточивается наблюдение за работой пленумов губсудов в области надзора, объединение этой работы и корректирование ее путем внесения соответствующих протестов в ГПК Верховного Суда.

Помимо порядка, установленного ст.ст. 254-а и 254-6 ГПК, согласно 254 ст. ГПК за Прокурором Республики, его Помощником при Верхсуде, а также Председателем Верхсуда и его заместителем остается право истребования из любого суда Республики для просмотра в порядке надзора всякого дела, решение по которому вступило в законную силу, и право постановления исполнения решения по затребованному делу до окончания этого просмотра.

В виду такой редакции ст. 254 ГПК те граждане, ходатайства которых о внесении вошедших в законную силу решений на рассмотрение пленумов остаются губернскими прокурорами без последствий, обращаются с жалобами на постановления губпрокуроров в прокуратуру Верхсуда, на которой и лежит обязанность проверки этих постановлений и в случае несогласия с таковыми опротестовывания решений судов в ГПК Верхсуда.

В целях планомерного осуществления надзора как за постановлениями пленумов, так и за постановлениями губпрокуроров об отказе жалобщикам во внесении протестов в пленум прокуратура Верхсуда считает необходимым, чтобы при разногласиях губпрокурора с пленумом ей направлялись не только копия постановления пленума, но и копия протеста губпрокурора, а также копии всех постановлений губпрокуроров об отказе во внесении в пленум протестов, при чем правильность мотивов таковых должна контролироваться вне зависимости от поступающих от заинтересованных лиц жалоб.

В соответствии с изложенным в целях лучшего учета работы губпрокуроров и пленумов губсудов по надзорным гражданским делам в прокуратуре Верхсуда установлен следующий порядок прохождения надзорных дел.

1. К каждому из пом. прокурора ГПК, работающему по надзорным делам, прикрепляется определенное количество губсудов, за постановлениями пленумов которых по надзорным делам им осуществляется соответствующее наблюдение.

2. Каждое поступающее в порядке циркуляра НКЮ постановление пленума губсуда, а также копии протестов губпрокуроров направляются соответствующему пом. прокурора, который и рассматривает их по существу. Если из рассмотрения их выяснится необходимость опротестовывания постановления пленума губсуда в ГПК Верхсуда, после доклада об этом прокурору ГПК потребуется соответствующее дело. При согласии с постановлением пленума таковое приобщается к наряду.

3. Так как постановления пленума являются окончательными, то жалобы на них заинтересованных в исходе дела граждан, как общее правило, не допускаются. Оплаченные надлежащим гербовым сбором жалобы на постановления пленумов, однако, приобщаются к соответствующему производству по рассмотрению постановлений пленумов, как материал. Никаких постановлений по такого рода жалобам прокуратурой ГГК не выносятся, и ответы жалобщикам не даются.

4. Каждый из пом. прокурора ГГК, работающих по надзорным делам, ведется систематический учет как постановлений пленумов по каждой губернии отдельно, так и случаев и мотивов расхождений пленумов с губ. прокуратурой.

5. Жалобы на отказ губернского прокурора в принятии протеста в пленум губсуда принимаются только в том случае, если они оплачены герб. сбором (2 руб.) и к ним приложены также оплаченные герб. сбором копии решения суда, определения ГКО губсуда и постановления губпрокурора; рассматриваются они соответствующим пом. прокурора ГГК, при чем при наличии достаточных оснований к принятию протеста требуется после соответствующего доклада Прокурору ГГК подлинное производство; при отсутствии такого основания составляется за подписями Пом. Прокурора Республики при Верховном суде и пом. прокурора ГГК, рассматривающего жалобу, мотивированное постановление об отказе в опротестовании решения суда, копия которого выдается жалобщнику.

Для характеристики работы прокуратуры ГГК в связи с изменением редакции ст. 254 ГПК можно привести следующие цифры за сентябрь и первые 10 дней октября 1926 г.

	За сентябрь.	За первые 10 дней октября.
1) Постановлений пленумов по надзорным делам	82	53
2) Поступило жалоб на постановления губпрокуроров об отказе во внесении дел в пленум	577	192
3) Сколько по этим жалобам затребовано дел в пор. 254 ст. ГПК для просмотра	65	33
4) Сколько внесено протестов в ГГК по затребованным делам	20	5
5) Сколько составлено мотивированных постановлений	86	27

Для характеристики работы прокуратуры ГГК необходимо сопоставить эти цифры с отчетными цифрами второго полугодия 1925 г. и первого полугодия 1926 г.

	В среднем в месяц во 2-м полуг. 1925 г.	В среднем в месяц в 1-м полуг. 1926 г.	В среднем в месяц сейчас.
1) Постановлений пленумов	не поступало		150
2) Жалобы на отказы губпрокуроров (рассмотрено материалов и составлено мотивиров. постановлений)	465	724	570
3) Количество дел, затребованных в пор. надзора	61	58	65
4) Количество протестов	44	22	20

Помимо указанной работы (по надзорным делам), прокуратуре ГГК приходится давать заключения: 1) по всем поступающим в ГГК надзорным делам, направленным прокурорами автономных республик, а в настоящее время также Председателем Верховного суда и его заместителем в силу новой редакции ст. 254 ГПК (количество таких дел в месяц колеблется от 30 до 40), и 2) по полугодовым отчетам губпрокуроров (в области их работы по гражд. процессу).

Б. Бродский.

Ответственность за самовольное пользование электроэнергией.

Вопрос об юридической природе самовольного пользования электроэнергией неоднократно являлся предметом обсуждения как в русской, так и в иностранной литературе и не получил единообразного решения ни в области теории, ни в законодательстве. В то время, как русская революционная судебная практика, равно как и норвежская, стояли на точке зрения имущественной охраны прав на энергию, германское законодательство в согласии с общим мнением германской науки признало самовольное пользование энергией своеобразным преступлением. Наши юристы-практики склонны поддержать первых, позиция которых для них удобнее. К рассмотрению их доводов мы и перейдем.

Тов. Осинский в «Е. С. Ю.» № 39/40 за 1924 г. следующим образом начинает свою статью:

«Электроэнергия освещения и телефонов, требующая для своего производства труда и капитала, является экономическим благом, имуществом и, как таковое, может быть предметом собственности, владения и пользования, частного или общественного (государственного)».

Ни одно из положений, вошедших в цитированную фразу, не может притязать на теоретическую правильность. Начнем с экономической категории «хозяйственного блага», которое в экономике определяется совсем иначе, чем это делает тов. Осинский. К тому же привлечение экономического понятия бесполезно, поскольку оно не связано логически с дальнейшим. Не всякое экономическое благо является имуществом, не всякое имущество может быть предметом частной собственности.

Безоговорочно признав энергию имуществом, т. Осинский «хищение электроэнергии» по аналогии подводит под статьи Угол. Код., трактующие о краже, мошенничестве и др. имущественных преступлениях. Если энергия предмет «владения», «имущество», то пользование аналогией непонятно. Особая же отметка об отсутствии в нашем Кодексе статьи о «хищении электроэнергии» излишня, ибо наш Кодекс вообще не специализирует кражи по объектам, исключая крупный скот у крестьян. И понадобилась аналогия потому, что неверные теоретические посылы автора привели его к признанию «кражи энергии» квалифицированной (с применением технических приспособлений) из госскладов и хранилищ. Мера соц. защиты — лишение свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией.

Таким образом, присоединение абонентом себе второй лампочки без согласия станции или неразрешенное присоединение к сети аналогичны взлому арсеналов или подкосу под стальную комнату казначейства. Естественно, что народные суды, несмотря даже на разъяснения высших судебных органов в этом смысле, не становятся на такую точку зрения и, почитая хищение энергии за самоуправство (ибо это наиболее мягкая статья), приговаривают виновных лиц к мелким штрафам, недельным принудительным работам и т. п.

Тов. А. Шамкович («Е. С. Ю.» № 50—1924 г.) «легко и без насилия над понятиями вкладывает злоупотребления с электрической энергией в рамки статей 103, 180-ж, 188». Для него электроэнергия—материальное благо, ничем не отличное (?) от любых предметов внешнего мира и всякая иная точка зрения—«теоретизирование». Тов. Шамкович считает излишним всякое теоретическое обоснование своей позиции, и это освобождает нас от необходимости считаться с нею в дальнейшем анализе, тем более, что ничего принципиально нового по сравнению с т. Осинским он не вносит.

Проф. Немировский, говоря об объекте кражи, как чужом движимом имуществе, физической вещи, могущей быть объектом владения, признает за электроэнергией способность быть украденной. И здесь преобладает практический подход над теоретическим, теория строится по практике, а не наоборот.

Переходя к теоретикам, примыкающим к этой точке зрения, мы у Фойницкого в его «Курсе» находим возможность признания самовольного пользования электроэнергией «пользованием чужим имуществом».

По проф. Жижиленко («Имущественные преступления») «электрическая энергия несомненно может быть предметом обладания. Отсюда потребность расширить уголовно-правовую охрану, рассчитанную на вещи и на электрическую энергию». Мы видим, что все защитники взгляда на незаконное пользование энергией, как на хищение таковой, ссылаются на «бесспорную», «несомненную» способность для нее быть объектом обладания, владения, являться имуществом. Противоположная точка зрения сформулирована проф. Познышевым: «Силы природы сами по себе не составляют движимого имущества».

Решить этот спор должны естествознание и техника, и к ним следует нам обратиться. Природа электрической энергии не выяснена наукой до конца, но одно можно считать твердо установленным: энергия по есть материя, а лишь известное состояние материи. Электрический ток в проводах не аналогичен струе воды, пара или газа. Налицо лишь последовательный ряд толчков, передаваемый с огромной скоростью электронами провода от одних к другим. Никакого перемещения при этом не происходит, а если и происходит, то в ничтожной, неподдающейся учету степени. Таким образом, никакого материального поземствования у «собственника» энергии «похитителя» ее не производит. Далее похищено может быть лишь то, чем другой обладает. Собственник станции и сети владеет станцией и сетью, а не энергией. Нет момента, когда бы энергия объективно существовала, где-либо хранилась. Если в какой-либо момент все абоненты, законные и незаконные, остановят свои моторы и погасят свои лампочки, на станции машины будут работать вхолостую и энергия произведена не будет, хотя затрата пара и топлива сможет остаться неизменной. Каждая частица энергии возникает и исчезает в тот самый момент, когда она потребляется. Зажигая лампочку, мы не берем у станции того, что у нее есть, а заставляем, благодаря особому устройству машин и сети, вызвать особое состояние в проводах, которое передается нашей лампочке в форме накачивания ее нитей. Это вызовет на станции, возможно отстоящей от нас на десятки верст, соответственный и пропорциональный нашему расходу энергии расход пара, топлива и пр. Но ни паром, ни топливом мы непосредственно не пользуемся, а пользуемся лишь направленной волей человека силой природы. След., говорить о «краже» и «хищении» электроэнергии противно природе вещей, и наличие измеримого имущественного ущерба еще не дает права на искусственное подведение этого деяния под статьи Уг. Код. В результате всякого почти преступного действия может

быть имущественный ущерб, в большинстве случаев измеримый. Однако, это не дает оснований к сведению всего Уголовного Кодекса к одной лишь шестой главе его особенной части и тем менее одной 180 статье.

Неприменимость ст. 180 к самовольному пользованию энергией за отсутствием имущества, которым можно было бы обладать, не предвещает вопроса о неприменимости вообще имущественно правовой охраны потерпевших. Здесь нет «кражи», но есть «самовольное пользование чужой электросетью» или просто «энергией», которое должно быть введено в уголовное законодательство как своеобразное преступление. Понятие «самовольного пользования» не чуждо нашему Кодексу (статьи 198—199), и санкции, в этих случаях установленная (тремякратный судебный штраф), гораздо более действительная мера борьбы с «похитителями» энергии, чем искусственное подведение под ст. 180-ж.

Изложенной точки зрения придерживаются, как отмечено, германские законодательство и наука. В курсе гражданского права Энексеруса и др. (изд. 1923 г.) мы встречаем мысль, что «энергия, движущая сила, как тепло, свет, электричество, магнетизм, не являются вещами и потому не могут быть объектами имущества или имущественного преступления». Такова же точка зрения крупнейших германских цивилистов и криминалистов, как Регельсбергер, Виндшейд, Лист, Дерибург и мн. др. Законодательство же знает самовольное пользование электроэнергией, как самостоятельный вид преступления.

В. Житомирский.

Г. Ростов-на-Дону.

Как лучше организовать пропаганду права.

Какое практическое значение в деле советского строительства имеет работа по правовому просвещению трудящихся масс и в каких организационных формах должна быть построена эта работа—вот вопросы, которые будут интересовать нас в нашей статье.

При советской системе государственного управления, когда ежегодно происходят переизборы советов, выборы паразедателей и т. п., когда ежегодно в состав государственного аппарата вливается громадный процент новых сил, черпаемых непосредственно из гущи трудящихся масс, и когда мы придаем громадное значение делу улучшения государственного аппарата, вопрос о политической и правовой подготовке трудящихся масс имеет глубокое значение.

Отсюда вытекает острая необходимость широко развернуть работу по агитации, пропаганде советского права среди трудящихся, чтобы каждый гражданин, будучи избран в совет, суд и т. п., понимал основные принципы нашего права и советского строительства.

Эта необходимость подчеркивается постановлениями III Всесоюзного Съезда Советов и 14 Партконференцией, признавших, что в данный период советского строительства укрепление основ революционной законности является первоочередной задачей; кампания же за укрепление революционной законности может быть с успехом проведена только при поддержке и участии широких трудящихся масс, и только тогда рабочие и крестьяне посредством правовой пропаганды будут ознакомлены с революционным законодательством советского государства.

Поскольку советское законодательство есть законодательство революционное, закрепляющее новые общественные отношения, созданные Октябрьской революцией, мы, проводя его в жизнь и давая населению возможность понять политический смысл его, тем самым способствуем

созданию новых бытовых отношений среди населения. Но подобного рода воздействие права на бытовые отношения населения во многом зависит от того, насколько хорошо население будет знать законы Советской власти.

«Власть советам,—писал Владимир Ильич,—это значит: радикальная переделка всего старого государственного аппарата, этого чиновничьего аппарата, тормозящего все демократическое, устранение этого аппарата и замена его новым, народным, т. е. истинно демократическим аппаратом советов, т. е. организованного и вооруженного большинства народа, рабочих, солдат, крестьян, предоставление почта и самостоятельности большинству народа не только в выборе депутата, но и в управлении государством, в осуществлении реформы и преобразований». (Ленин, т. XIV, ч. II, стр. 104).

В числе многочисленных способов участия широких трудящихся масс в управлении, реформе и преобразовании госаппарата, видное место занимает участие рабочих и крестьян в обсуждении законопроектов: голос с мест по поводу того или другого законопроекта, особенно касающегося непосредственно жизни трудящихся (трудовое, земельное право), служит залогом, что издаваемый закон будет удовлетворять социально-хозяйственным потребностям трудящихся. Пробудить же живой интерес рабочих и крестьян к участию в обсуждении законов, касающихся непосредственно их интересов, добиться, чтобы они были не только исполнителями закона, но и творцами права, возможно только при наличии политической и правовой грамотности населения.

Не подлежит никакому сомнению, что нередко различного рода преступные деяния совершаются населением только потому, что правонарушитель не знал, что данное деяние запрещено под страхом уголовной ответственности. Правовое просвещение трудящихся—лучшее средство для предупреждения преступлений.

Каковы же должны быть организационные формы правовой пропаганды и каковы могут быть методы ее?

НКЮ правильно разрешает этот вопрос в смысле организации как в центре, так и на местах агитпропбюро. Нетрудно сказать, что деятельность агитпропбюро не только центра, но и губернии будет носить чисто руководящий характер, непосредственная же работа по пропаганде права должна лечь на уездные и волостные бюро, поскольку они тесно соприкасаются с многомиллионной крестьянской массой. Успех данной кампании будет поэтому в большой степени зависеть от работоспособности низовых агитпропбюро, а это в свою очередь требует обратить особое внимание на организационную систему и постановку работы уездных, волостных, а позднее, может быть, и сельских бюро пропаганды права.

В Рязанской губ., в одном из уездов, уже с полугода назад организованы по образцу, указываемому т. т. Ростовским и Мокеевым («Е. С. Ю.» № 28), уездные и волостные бюро по пропаганде права. Организация уездных и волостных бюро по пропаганде права дает много преимуществ в этой работе уже тем, что происходит концентрация в одном бюро ранее разпыленных представителей уездных организаций, в задачи которых входит правовая пропаганда, и, кроме того, дает возможность все юридические силы уезда, которыми так бедны места, и материальные ресурсы, отпускаемые на эти нужды, использовать наиболее рационально и вообще внести в эту работу систематичность и плановость. Уездные бюро, состоящие из 6 человек: пом. прокурора, уполгубсуда, предс. упробюро, члена коллегии защитников, зав. уполитпросветом и зав. агитпропом укома, за исключением председателя и секретаря бюро, несут часто практическую

работу: каждый член уездного бюро прикреплен к волостным бюро, за работу которого отчитывается перед уездным бюро, он же вырабатывает планы и программы для занятий в юридических кружках деревни, распределяет сеть юридических консультаций в городе, следит за их работой, заботится об изыскании средств и приобретении юридической литературы как для уездных, так и для волостных бюро, заслушивает доклады председателей волостных бюро, высылает докладчиков в деревню по требованию волостных бюро, дает письменные ответы по юридическим вопросам, не разрешенным волостным бюро, и т. д.

Особенно же большое значение в деле правовой пропаганды среди крестьянства имеют волостные бюро; до их создания на территории волости не было организации или учреждения, которое считало бы работу по правовой пропаганде своей основной работой; поэтому столы юридических справок, юридические кружки, правовые секции, организуемые работниками уездного центра, не имея какой-либо поддержки со стороны местных организаций, скоро замирали. Другая картина получается с организацией волостных бюро. В Рязанской губ. они сконструированы из 5 человек: предвика, секретаря волкома, представителя волполитпросвета, представителя местного отделения профсоюза и парсудьи (или начальника волмилиции там, где нет суда). Такой состав делает его авторитетным на территории волости, что заставляет местную интеллигенцию и крестьян относиться к начинаниям бюро сочувственно.

Условия и обстановка, в которых приходится работать волбюро, требуют от уездных и губернских бюро особого внимания, чтобы сделать их работоспособными: отсутствие юридически подготовленных людей, юридической литературы, малая материальная обеспеченность служащих в деревне, перегрузка в основной работе их и т. д.—все это требует особого напряжения сил от волбюро, чтобы сдвинуть эту работу с мертвой точки. Задачи же волбюро в этой работе весьма обширны: организация в наиболее населенных местностях волости юркружков, организация столов юрсправок при ВИК'е, в избах-читальнях, при некоторых сельсоветах, организация при ВИК'е административно-правовых секций, юридических библиотек, постановка докладов на общих собраниях граждан на правовые темы и т. д. В содействии уездных и губернских бюро волостное бюро особенно нуждается для подлежащей постановки занятий в юркружках, которые в сельской местности имеют большое значение еще и потому, что за недостатком юридических сил там в процессе занятий в кружках волбюро приходится готовить членов кружков к практической работе: дежурить по столу юрсправок, выступать с докладами на крестьянских собраниях и т. п.

Вся эта работа должна развернуться под идейным руководством партийных организаций, губкомов и укомов ВКП(б), непосредственно же она должна пасть на работников суда и прокуратуры. Успех ее будет обеспечен только при руководстве и постоянном инструктировании мест со стороны Агитпропбюро при НКЮ.

Пом. прокурора Рязанской губ. ио 2 уч.

В. Лебединский.

г. Зарайск.

* * *

Создание Агитпропбюро при НКЮ нужно всячески приветствовать. Наконец, пропаганда права, входящая как основа в общественную работу наших судебно-следственных деятелей, получит верное направление. Случайности и бессистемность в общественной работе, которая наблю-

дается в настоящее время, при систематическом руководстве Агитпропбюро и его органов на местах будет устранена. До сих пор недостаточность руководства из центра в области общественной работы давало остро себя чувствовать. Если не считать двух-трех циркуляров НКЮ, касающихся общественной работы, Наркомюстом не было дано никаких других руководящих указаний. Поэтому в каждой губернии дело пропаганды советского права приходилось организовывать по-своему, приспосабливаясь к местным условиям и местным возможностям.

Сильно сказывалось при этом неумение подобрать соответствующие темы и, главное, отсутствие пособий для докладов и бесед, вследствие чего намечаемые губсудом планы не выполнялись иногда более чем наполовину, да и в качественном отношении работа не стояла на высоте, ибо при неимении под руками соответствующей литературы (иногда даже не получая «Е. С. Ю.»), нарсудья не мог правильно и всесторонне осветить того или иного вопроса права. Поэтому перед Агитпропбюро при НКЮ стоит весьма важная задача оживить и наполнить работу по пропаганде права сверху донизу реальным содержанием, наметить конкретный план работы, привести примерный перечень тем для докладов, дать тезисы, указать пособия и т. д.

Учитывая перегруженность судработников, в особенности нарсудей, основной работой, незначительно строить слишком широкие планы, что породило бы легкое отношение к делу и, как следствие этого, повлекло потерю аудитории и срыв работы. Планы работ надо намечать жизненные, выполнимые; нельзя строить одинакового плана для всех губерний, необходимо учесть условия, в которых находятся работники юстиции в той или иной губернии, в частности учитывать территориальную подсудность участков, количество поступающих дел и проч.

Помимо того, губ. агитпропбюро следует придать вполне самостоятельное положение и избегать обслуживания его техническими силами того или иного учреждения; агитпропбюро должно иметь свой технический аппарат и отчитываться в работе перед вышестоящим бюро непосредственно.

В целях объединения в одном органе пропаганды права, его популяризации и работы по оказанию юридической помощи населению было бы весьма целесообразно дело организации юридических консультаций и руководство их работой изъять из ведения президиумов коллегии защитников и передать соответствующим агитпропбюро с правом для последнего привлекать в обязательном порядке к работе в консультациях членов коллегии защитников. Платный характер консультаций позволил бы бюро покрыть расходы по содержанию консультаций, в частности технического сотрудника. Сосредоточение юридических консультаций в агитпропбюро прямо способствовало бы укреплению его авторитета среди населения. Снабжение агитпропбюро юридическими пособиями должно быть проведено при самом создании бюро; в этом отношении Юридическое Издательство НКЮ должно пойти навстречу бюро и дать им необходимую литературу или составить небольшие юридические библиотечки для каждого бюро на льготных условиях с рассрочкой платежа.

Против указанной в статье т.т. Мокеева и Ростовского («Е. С. Ю.» № 28) структуры бюро едва ли встретятся какие-либо серьезные возражения; наличие в составе агитпропбюро на местах представителей политпросвета представляется весьма целесообразным, так же, как и представителей профорганизаций. В том и другом случае это представительство обеспечит необходимую согласованность в работе по пропаганде права.

Председатель Орловского губсуда Мефалиди.

г. Орел.

* * *

Дело пропаганды права в деревне, несмотря на то, что места имеют большой практический стаж в этой области, до сего времени не нашло себе организационной формы, которая соответствовала бы условиям деревенской действительности и получила бы общее признание, как форма, вполне живучая.

До сих пор эта работа проводилась бессистемно, от случая к случаю, создавались организации параллельно с юридическими кружками, числились женские правовые секции, правовые секции при сельсоветах и т. п., но они умирали за отсутствием юридически грамотных руководителей.

Учитывая все это, можно прийти к выводу, что в деревне вовсе не нужно создавать отдельных секций, которые не расширяют, а только распыляют работу, а нужно ограничиться созданием одной ячейки на всю волость. Практика показала, что юридический кружок — самая жизнеспособная форма организации пропаганды права в деревне. В руководящее ядро кружка должны быть введены нарсудья, нар. следователь, начальники, секретарь волкома ВКП и волизбач. Это ядро должно быть не только руководителем юридического кружка, но и исполнителем большей части работы по волости.

Вместе с тем юркружки своими силами должны организовывать юридические консультации для оказания бесплатной юридической помощи населению.

Такая постановка дела пропаганды права даст возможность, не распыляя сил, вести систематические занятия с членами юридического кружка и не исключает возможности постановки отдельных докладов на общих собраниях граждан и созыва специальных совещаний с нарзаседателями. В тех волостях, где не имеется нарсудьи и нар. следователя, юркружков создавать не следует, но необходима юрид. консультация, которая должна работать под руководством секретаря волкома и начальники.

Хотя т.т. Мокеев и Ростовский («Е. С. Ю.» № 28 1926 г.) высказываются за создание организованного узла и в тех волостях, где отсутствуют работники юстиции, где руководящую роль должен иметь секретарь волкома ВКП(б), но вместе с тем они не указывают, какую именно работу должны выполнять эти бюро и кто является техническим исполнителем работы по пропаганде права. Если перечислить все те группы, которые т.т. Мокеевым и Ростовским выдвинуты как основные, среди которых должна вестись работа не путем постановки отдельных докладов и бесед, а целого цикла их, то отсюда ясно, что названные авторы считают с тем, что пропагандой права могут заниматься только люди юридически грамотные, а в деревне юридически грамотный состав волкома это редкость.

Поэтому в тех волостях, где отсутствуют руководители, не нужно создавать ни юркружков, ни волбюро по пропаганде права, достаточно ограничиться юрид. консультацией, а нарсудье, в участок которого территориально входит такая волость, почаще в нее выезжать и устраивать вечера вопросов и ответов во всех поселках.

Нар. судья 7 уч. Новоузенского у. Саратовской губ.

А. Рузавев.

с. Орлов-Гай.

Отклики с мест.

(Из статей, поступивших в Редакцию).

Вопросы пропаганды права и оказания юридической помощи.

Тов. Л. Крапник (г. Прикумск Терского окр. Северо-Кавказского края) в своей заметке делится опытом судебных работников Прикумского района Терского округа по проведению пропаганды права. Только в последнее время — пишет он — работа эта начала вестись в плановом порядке.

«Для этой цели организован юридический кружок, в который вошли все сотрудники судебных и административных учреждений. Своей задачей кружок поставил: расширение правовых знаний своих членов, пропаганда советского права и оказание юридической помощи населению. Руководит работой кружка бюро из пяти человек, куда входят также представители профорганизаций и агитпропа».

С целью расширить правовые знания своих членов кружком разработана следующая программа:

«На некоторых членов кружка возложена обязанность следить за текущим законодательством, при чем каждый из них еженедельно на собрании кружка делает информационный доклад о всех последовавших за неделю изменениях в законах по какой-либо определенной отрасли права. Наиболее животрепещущие вопросы выделяются особо, их разработка поручается другим членам кружка. После доклада разбираются казусы, встречающиеся в практической работе членов кружка».

Не менее деятельно, по словам тов. Крапника, работает кружок для осуществления своей второй задачи — пропаганды права среди широких слоев трудящихся.

«Через райком, райисполком и профорганизации учтены отдельные группы трудящихся, нуждающихся в разъяснении тех или других правовых норм. По плану постановлено не пропускать ни одного пленума РИК'а или сельсовета, ни одного собрания граждан или кооперированного населения, ни одной выездной сессии нарсуда, чтобы не сделать хотя бы одного доклада по какому-нибудь правовому вопросу, близко касающемуся данного собрания. В связи с выездными сессиями сделаны доклады: о работе нарсуда, о правах и обязанностях нарзаседателей, о разделе крестьянского двора, о примачестве, об алиментах и т. д.»

Кружок стремится также к улучшению дела оказания юридической помощи населению; так

«с санкции райисполкома намечено обследование всех изб-читален, с целью выявления недостатков в их работе и руководства в дальнейшем работой их в области оказания юридической помощи».

Тов. Емельяненко (Клинцовский у. Гомельской губ.) останавливается на тех трудностях, которые встречались в его общественной работе.

«По ряду объективных причин, — пишет он, — как-то ряд кампаний и перегрузка в работе, не удалось действительно развернуть работы. Напр., для самообразования организован юридический кружок, но занятия его велись довольно нерегулярно. Мешали его работе, прежде всего, недостаток единого плана, а также отсутствие теоретически подготовленного руководителя. Суд уделял внимание и справочным столам при избах-читальнях, так как последние, благодаря неподготовленности избачей, страдают значительными недостатками. Попытки организовать юридические кружки при избах-читальнях наталкиваются на большие затруднения, и для преодоления их сил одного нарсудья и его секретаря недостаточно. Жизнь требует организации консультации при ВИК'е путем прикрепления члена коллегии защитников. Выезды и проведение бесед безусловно оправдывают себя, но обездвижить все деревни не представляется возможным из-за недостатка помещения».

Тов. Емельяненко дальше касается вопроса о народных заседателях.

«Активность нарзаседателей невелика, при пере выборах в деревне наблюдается чуть ли не очередь. Объясняется это неоплатой их по вызову, а также тем, что по ст. 17 Пол. о судоустр. нарзаседатели должны заседать в суде шесть дней подряд. Данное же требование противоречит условиям деревенской жизни: приходится идти часто за 20 верст, ночлега и продуктов питания нет, а летом в горячую пору при уборке хлеба отсутствие рабочей силы особенно ощущается».

Суд, однако, делает все возможное для поднятия активности нарзаседателей.

«Среди нарзаседателей проводятся райсовещания для разъяснения их прав и обязанностей и ознакомления с кодексами, устраиваются беседы с нарзаседателями и перед суд. заседаниями, но на практике эти совещания оказались менее целесообразными, чем районные совещания. Но и для них необходимо разработать строгий план и необходимые пособия. Необходимо также обратить внимание на отчетность нарзаседателей в своей работе перед массами, что пока в жизнь не проводится».

Тов. Н. Кобзов (г. Бронницы Моск. губ.), пишет об оказании юридической помощи в деревне.

«Необеспеченность, — пишет он, — борьба за существование заставляет нашего члена коллегии защитников относиться к своим обязанностям и работе в консультации довольно поверхностно. Это приводит в судах к курьезным случаям, в результате чего симпатии к консультации не увеличиваются. В работе справочных столов при избах-читальнях также имеются недочеты, так как в них отсутствуют компетентные товарищи».

По мнению тов. Кобзова, выход из этого положения только один:

«необходимо оплачивать работу в консультациях за счет волостного бюджета. Так как консультации обнимают 3—4 волости, то на бюджет каждой отдельной волости придется в месяц не более 15—20 руб.

Обеспеченность защиты даст возможность усилить ответственность за работу в консультации; с другой стороны, ВИК получит помощника для построения своего аппарата, что особенно нужно для работы в нотариальном столе и ведения актов гр. сост. в волости».

Тов. Белоусов (Клинский у. Моск. губ.), также пишет по вопросу об оказании юридической помощи в деревне, которая оказывается до сих пор в недостаточных размерах. По его мнению, необходимо

«организовать юридические кружки среди крестьянства. Это сыграет огромную роль и избавит крестьянство от необходимости хождения в город за 10—18 верст. Участие в кружке должен принимать уч. пом. прокурора, нарсудья и член колл. защитников. Цель кружка — дать понятие о советском праве и научить писать правильно заявления и кассационные жалобы. Это тем более необходимо, что в деревнях появилась подпольная адвокатура, которая может принести большой вред».

Тов. Чернов (г. Брянск) посвящает свою статью вопросу о нарзаседателях и работе среди них. Что же нужно сделать для того, чтобы они были активны, — спрашивает он.

«Необходимо — отвечает он — судебным работникам проводить работу по ознакомлению нарзаседателей с нормами права. Мы знаем, что работа в этой отрасли ведется, но все-таки мы считаем, что достижения еще недостаточны. Необходимо вести ее в строго плановом порядке. А плановость можно проводить лишь в постоянно функционирующей организации. Этой организацией должен явиться юридический кружок по изучению права, организованный при рабочем клубе, изб-читальне или даже при самом нарсуде, работающий по разработанному предварительному плану и программе занятий».

Активистов юридического кружка можно было бы также использовать в работе стола юридических справок при изб-читальне, при рабочем клубе».

Много помогут, по мнению тов. Чернова, также совещания с нарзаседателями при условии

«если они будут организовываться регулярно и если на них будут обсуждаться «боевые», животрепещущие вопросы судебной политики и практики (лесорубочные дела, напр., дела о хулиганах). При избирательной кампании по губернии было прочитано 168 докладов».

В заключение тов. Чернов касается вопроса об участии в суде женщин-нарзаседателей:

«Число это колеблется от 5 до 25% общего числа нарзаседателей. Такое соотношение объясняется недостаточным вниманием к этому вопросу со стороны парторганизаций и профорганизаций. Женщина же принесет несомненную помощь при разрешении дел, затрагивающих интересы женщины, напр., алименты, отыскание отцовства».

Страница практика.

Улучшим работу среди органов дознания.

На страницах «Е. С. Ю.» все чаще встречаешь заметки судебно-следственных работников по работе среди низового аппарата, в частности органов дознания. На низовой аппарат в первую голову обратила внимание и наша советская прокуратура. При выездах в деревню для обследования деятельности советских организаций уч. пом. прокурора детально обследует и воымплицию, выявляя ее недочеты в работе и оставляя ряд указаний для дальнейшей работы. Эта же работа возлагается нашим УПК и на нарследователей. Не так давно, в первом полугодии 1925 г., эта работа носила чисто эпизодический характер, но постепенно, день за днем, она росла и теперь заняла одно из первых мест в нашей работе. Практика зачастую отмечает неуважку в работе судебно-следственных работников с органами дознания. Нередко у первых отсутствует умелый подход в руководстве по работе органами дознания. Одних актов обследования и указаний по делам дознания, как это практикуется сплошь и рядом нарследователями, недостаточно. Нужно заинтересовать работников дознания более живыми указаниями, приводя примеры из практики. Почти повсеместно для работников органов дознания организуются всякого рода курсы, проводятся беседы, лекции, на которых прорабатываются как общие правовые вопросы, так и вопросы материального права и процесса, техники производства дознаний и т. п. Это ил для кого не новость. Но вместе с тем нужно сознаться, что хотя они и проводятся повсеместно, но в разных условиях, а в некоторых местностях, чаще всего в волостях, и совершенно отсутствуют. Возьмем для примера какой-нибудь медвежий угол верст за 60—100 от уездного центра. Тихо и серо течет в нем общественная жизнь. Так и проглядывает во всем будничная скука прежних лет. А сколько таких медвежьих иглов по нашему Союзу? Бесчисленное множество. Главными проводниками революционной законности в крестьянские массы являются судебно-следственные работники и органы дознания. И вот именно в этих медвежьих углах чаще всего ощущается среди работников органов дознания правовая отсталость и полное отсутствие сознания своих задач среди крестьянских масс. Прокуратура за отдаленностью от уездного центра сюда заглядывает редко, и всю работу по надзору и руководству среди органов дознания несет нарследователь. И если органы дознания слабы, то в этом частично виноваты и следователи. Чаще всего, как я упоминал ранее, нарследователи ограничиваются одними актами обследования, наредка докладами, беседами, лекциями и т. п. Все это хорошо, но недостаточно. Нужно знать какой работник милиции чем болен, в чем хромает, в чем силен, в чем слаб. Для этого нужно изучить каждого в отдельности, дать ему понять, что нарследователь для них не только старший товарищ по службе, могущий в известных случаях распоряжаться или давать указания, но и товарищ и учитель в их повседневной работе. Каждому нарследователю нужно запомнить: «если ты хочешь добиться, чтобы органы дознания в твоём районе усвоили возлагаемые на них Советской властью задачи, то прежде всего ты должен добиться, чтобы они тебя самого ценили как работника и уважали как человека; только при этих условиях могут быть видны положительные результаты твоего руководства над ними».

Одним из вспомогательных пособий в этой работе является «Дневник нарследователя», который я горячо рекомендую завести каждому нарследователю, в особенности тем, чьи участки расположены в сельских местностях, по такой форме:

№№ по порядку.	№ и число поступившей бумаги.	От какого органа поступ. дознание.	Краткое содержание установленно-го при просмотре дознания упу-щения или проступка.	Имя, отчество, фамилия работника, производившего по делу дознание.	Что пред-принято к исправле-нию.
1	5/VIII 1926 г. № 454	От Даровской воымплиции.	Отсутствует про-думанная рабо-та, есть жела-ние закончить в срок дознание и только, тогда как допросить бы еще 2—3 свидетелей и преступление мо-гло быть рас-крыто.	Ст. милици-онер Кула-ков.	Разъяснить на очередной беседе о 111-112 ст. УПК, предвари-тельно ма-териалы доз. вернуть для опроса (таких-то) лиц.

Что даст нарследователю этот дневник? Очень многое. Прежде всего, он в нем увидит, какой работник в чем хромает, есть ли данные на исправление его, или, наоборот, после полученного указания заметно исправление. Благодаря этому же дневнику нарследователь ведет учет своей работе среди органов дознания. Кроме того, участковый пом. прокурора при обследовании следственного участка прежде всего видит, что сам нарследователь не спит, во-вторых, тому же прокурору будет видно, в чем слабы органы дознания, что последнему не менее важно, чем нарследователю. Дневник следователя является пособием при волостных, уездных с'ездах как подсобный материал при докладах. Ведение этого же дневника можно пожелать и нашей прокуратуре с той только разницей, что в дневник нарследователя заносится деятельность органов дознания, а в дневник прокуратуры деятельность органов следствия. Как в первом, так и во втором случае плодотворные результаты не замедлят сказаться при его ведении.*

Как это ни странно, но факт, что если нарследователи ведут работу по надзору и руководству среди работников милиции, то с другими органами дознания, которые расположены на территории их следственных участков, совершенно не ведут никаких занятий. Между прочим, ст. 97 УПК перечисляет какие органы являются органами дознания, в ст. 107 того же Кодекса не только предоставляет право, но и обязывает нарследователя вести надзор и руководство по делам дознания, а также занятия и беседы с представителями последних, за исключением органов ГПУ. Эту ненормальность в самом ближайшем будущем нарследователям надо нажить. Все это, конечно, отнимет у нарследователя немало времени, но зато даст хорошие результаты. Помимо того, что работники дознания под руководством нарследователя квалифицируются и усваивают свои задачи, но в связи с этим в крестьянские массы выливается новая здоровая струя нашей революционной законности.

Нар. следователь 4 уч. Котельнического у. Вятской губ.
И. Немченков.

С. Даровское.

С наложением административных взысканий за лесопорубки плохого.

С изданием п. НКЮ № 69 1925 г., которым были точно и ясно указаны правила составления протоколов о лесонарушениях лесной стражей, как органами дознания по этим делам, казалось бы, дело с этими протоколами должно было улучшиться, но приходится отметить обратное.

Циркуляр № 69 указывал тот минимум формальностей, который необходимо соблюдать при передаче протокола в суд, но этого мы не наблюдаем. Протоколы о лесонарушениях, как правило, составляются не на месте совершения или обнаружения преступления, а на квартире у об'ездчика. Протокол часто не содержит в себе и на 90% тех элементов, которые необходимы для предания суду. Опрое подозреваемых, как правило, не делается, а только пишется фраза: «в порубке сознался». Подписи порубщика в большинстве случаев также нет, а если и есть, то только в том, что «протокол мне об'явлен». Протокол составляется на квартире у об'ездчика и после этого с лесником посылается порубщику для об'явления и подписи.

Возвращать каждый протокол в лесничество для устранения всех этих ненормальностей неудобно; затянется дело, начнется волокита, а при наличии классической надписи на протоколе: «в порушке сознался», думаешь: авось, он и на суде сознается, и назначается дело к слушанию. На суде выясняется, что обвиняемый признавался только в порушке части указанного в протоколе леса, а не полностью, и в подтверждение этого слышится на свидетелей и другие доказательства.

В результате дело откладывается, посылается для дополнительного дознания. А с таким же содержанием протокол, подлежащий направлению в порядке ч. 99 ст. УК после дополнения дознания, обычно залеживается более, чем на месячный срок, установленный для наложения административного взыскания, а потом лесничество платит эти протоколы в суд для взыскания корневой стоимости в гражданском порядке, хотя множество этих протоколов с суммой лесопорубки от 15 копеек до одного рубля.

При большом количестве поступающих протоколов они отнимают массу времени при явной нецелесообразности заведения дела и при невозможности со стороны суда отказа в приятии их.

Для устранения этого в высшей степени ненормального положения необходимо или продлить месячный срок для наложения административных взысканий по лесопорубкам, или в случае пропуска месячного срока предоставить право ВИКам взыскивать корневую стоимость, не передавая дела в суд. Но, кроме того, здесь необходимо принять меры к повышению квалификации лесной стражи, как органов дознания, хотя бы через краткосрочные курсы-конференции. И затем необходимо возложить большую ответственность на лесничих и их помощников за правильную работу лесной стражи, как органов дознания, и за своевременное представление в ВИК следующих ему протоколов о лесопорубках.

Нар. судья 3 ун. Краснобаковского у. Нижегородской губ.

Андреев.

Участие защиты в уголовном процессе *).

В практике наших народных судов возникли, между прочим, следующие вопросы, которые желательно обсудить в нашем юридическом журнале:

1. Имеет ли народный судья право предложить коллегии защитников назначить защитника подсудимому в таком деле, по которому нет обвинителя, а имеется представитель гражданского истца юридического лица?

Народный судья (он же уполномоченный губсуда) разрешает этот вопрос утвердительно, ссылаясь на толкование ст. 55 УПК с комментариями Строговича и Карпинского (стр. стр. 43—45). Такого мнения я не разделяю. И вот почему. Изложенное толкование ст. 55 правильно, но назначение защитника самим народным судом или уполномоченным губсуда в суде в процессе, где выступает по делу не обвинитель (значит, представитель прокурорской власти), а гражданский истец в лице представителя от какого-либо учреждения, неосновательно, ибо это толкование имеет в виду: лишь тот случай, когда «подсудимый хочет иметь защитника, но не может его найти в порядке добровольного соглашения»; отмену приговора губсуда потому, что он, «допустив к участию в деле представителя гражданского истца», в то же время «отказал подсудимому в его ходатайстве о допущении защитника»; если допущен к участию в процессе гражданский истец, то обязательно должен быть допущен защитник.

Конечно, если подсудимый не может найти защитника и если допущен к участию в процессе гражданский истец, то должен быть допущен защитник, но «допущение» и «назначение» — две вещи совершенно различные и для члена коллегии защитников не однозначные, ибо «назначением» умаляются так сказать права защитника, предоставленные последнему законом.

Точно также умаляются права защитника и в том случае, если он взят за защиту интересы подсудимого в том деле, где выступает гражданский истец, а суд не допускает его к защите только потому, что с другой стороны (потерпевшего) нет обвинителя, так как всякий подсудимый (хотя и по мало-важным делам, в которых обвинителя не имеется) вправе иметь защитника согласно ст.ст. 246, 250—252 УПК. Не только подсудимый, а даже потерпевший и гражданский истец могут на основании ст.ст. 51 и 52 УПК иметь на суде своих представителей; об этом не может быть, конечно, и спора.

2. Должны ли народные суды каждый раз (т.-е. по всякому данному делу) обсуждать ходатайство обвиняемого в уголовном деле и сторон в гражданском деле (истца и ответчика) о допущении к защите члена коллегии защитников, записи об этом в протокол, или же на такое допущение не требуется разрешения и постановления народного суда?

По моему мнению, такое обсуждение требуется лишь в том случае, если подсудимый или стороны заявляют о допущении не члена коллегии защитников, а кого-либо со стороны, т.-е. руководствуясь ст. 53 УПК и ст. 16 (пункт «г») ГПК, так как члена коллегии защитников суд не вправе не допустить к защите по уголовному делу или к выступлению по гражданскому делу. След., член коллегии защитников в начале судебного заседания по делу может занимать место защитника, не ожидая на то разрешения суда или председателя последнего.

Член коллегии защитников М. Невленинов.

г. Новоржев Псковской губ.

Спорные вопросы по Испр.-Труд. Код.

В «Еж. Сов. Юст.» № 29 тов. Николаев затронул ряд практических вопросов, возникающих при применении Исправительно-Трудового Кодекса РСФСР. Вопросы взяты наиболее спорные и существенные, ответы на которые не дает единственный комментарий по ИТК, В. Р. Якубова.

Одним из таких вопросов является вопрос о времени снятия распределением строгой изоляции. В Испр.-Труд. Кодексе этот срок не указывается. Тов. Николаев в своей статье «Надо внести ясность» приходит к заключению, что строгая изоляция может быть снята распределением лишь при переводе осужденного из среднего разряда в высший. Со своей стороны, полагаю, что сделать это расписанием может и раньше: при переводе заключенного в средний разряд, т.-е. по отбытии им половины назначенного приговором срока лишения свободы, при неизменном условии, что заключенный своим поведением и успехами в работах и занятиях заслужил этого. Между тем, на местах (напр., в АССР пенцев Поволжья) расписанием, не имея на этот случай специальных указаний центра, снимает строгую изоляцию еще ранее, именно по отбытии одной трети (1/3) срока лишения свободы, при наличии удовлетворительности поведения и успехов заключенного. Такое раннее снятие строгой изоляции часто сводит на-нет приговор суда к лишению свободы со строгой изоляцией, тем более, если этот осужденный некоторое время еще содержался под стражей во время производства предварительного следствия. Может случиться, что осужденный сегодня в нескольких месяцах лишения свободы со строгой изоляцией в самый короткий промежуток времени появляется на свободе, получив, по снятии с него расписанием строгой изоляции, отпуск в силу ст.ст. 107 и 143 ИТК, а это часто вызывает нарекания местного населения (в особенности крестьянства) на «слабость» карательной политики Советской власти. Так как лица, осуждаемые пролетарским судом со строгой изоляцией, являющиеся людьми социально-опасными для советского строя, то к снятию строгой изоляции нужно подходить весьма осторожно и снимать ее не ранее, как по отбытии заключенным половины всего срока лишения свободы при переводе его в средний разряд.

Совершенно прав тов. Николаев в том, что срочно заключенные со строгой изоляцией никакими отпусками пользоваться не должны. Местные расписания также стоят на этой точке зрения. Поэтому в текст ст. 143 ИТК надо бы внести корректив о том, что правом на отпуск не пользуются заключенные, имеющие за собой строгую изоляцию.

Ст. 101 ИТК говорит, что к первой категории должны быть отнесены лица, подлежащие лишению свободы со строгой изоляцией, совершенно не оговаривая, что это не относится к тем трудящимся, которые хотя и осуждены со строгой изоляцией, но не признаны судом особо социально-опасными. След., по точному смыслу этой статьи следует признать, что все осужденные со строгой изоляцией зачисляются в первую категорию, и только в смысле помещения их в изоляторы следует сказать (ст. 47, п. 4, ИТК), что туда не помещаются трудящиеся, хотя и отнесенные к первой категории, но не признанные особо опасными для Республики, а содержание таковым должно быть определяемо в общих исправтрудом. К третьей категории ИТК относит всех трудящихся, осужденных без строгой изоляции и не являющихся профессиональными преступниками. Последних же, т.-е. профессиональных преступников, ст. 101 ИТК относит ко второй категории,

*). Печатается в дискуссионном порядке. Редакция.

куда, по нашему мнению, должны быть также относимы и все преступники, не принадлежащие по своему социальному положению к трудящимся массам СССР. Возникает вопрос: кого же следует считать профессионалом-преступником. Несомненно, что сюда должны быть отнесены все те преступники, которые обратили преступность в промысел, т. е. в постоянное систематическое занятие, служащее источником их существования, при чем в данном случае не имеет значения их прежняя судимость, так как преступник может быть признан профессиональным и при одной судимости. Наличие этой профессиональной «деятельности» преступника определяется в каждом отдельном случае всеми обстоятельствами дела. Поэтому в этом вопросе следует согласиться с доводами тов. Николаева, что для принадлежности ко второй категории играет роль как материальная цель, преследуемая преступником при совершении им преступного деяния, так и повторность этих преступлений (однородных или тождественных), так как рецидивист, несомненно, должен быть причислен к преступникам-профессионалам.

В последнем вопросе тов. Николаев совершенно правильно приходит к выводу, что осужденные со строгой изоляцией не могут быть зачисляемы сразу в средний или высший разряд, а зачисляются все только в начальный разряд, что соответствует и требованию ст. 101 ИТК (все они первой категории). Пробыть же в начальном разряде в силу ст. 103 ИТК они должны не менее половины всего срока. Считая, что осужденные со строгой изоляцией не могут быть отнесены к 3-й категории, я прихожу к тому же выводу, как и тов. Николаев, что они могут быть зачислены только в начальный разряд. Если бы допустить, что некоторые осужденные со строгой изоляцией могли быть относимы к третьей категории, то неограниченно мнать их прав ст. 104 ИТК.

Кроме вопросов, затронутых тов. Николаевым, в ИТК есть еще ряд требующих разрешения неясностей. Таков существенный и вызываемый целесообразностью вопрос, допустим ли и с чьей санкции краткосрочный отпуск осужденного, еще не получившего права на очередной отпуск по ст. 143 ИТК, в целях, напр., сдачи дел, требующей непосредственного личного присутствия в местности, удаленной от местонахождения места заключения; в случае смерти единственного члена семьи, оставшегося дома, для распоряжения имуществом; для разрешения родов беременной-осужденной и в других неотложных случаях. Целесообразность требует предоставления таких отпусков. Полагаю, что разрешением подобных кратковременных отпусков могли бы весть расприкрыть, при чем использованное время не засчитывалось бы в счет общего срока лишения свободы и не влияло бы на право получения отпуска по ст. 143 ИТК.

Не менее актуальным является и вопрос о возможности досрочного освобождения пересыльных осужденных. Следует указать, что в виду незначительного количества этапов, пересыльных пересыльных заключенных, часто случается, что осужденный большую часть своего срока проводит в прохождении по этапам и вследствие этого не может своевременно воспользоваться льготами досрочного освобождения. Так, напр., партия срочно-заключенных, следующая из Семипалатинска в Уральск, целыми месяцами ждет этапов в промежуточных исправтруддомах, так как сплошь и рядом этап здесь проходит один раз в месяц, а если еще вагонов оказывается недостаточно, то часть партии оставляется до следующего этапа, значит, еще через месяц. Так как все сведения, а значит и характеристика, на такого срочно-осужденного пересыльного следуют вместе с ним в его личном деле, в отдельном опечатанном конверте, то, следовательно, тот расприкрыть, в пределах территории которой такой заключенный находится в данное время, в виду истечения необходимого срока, мог бы рассмотреть вопрос и о его досрочном освобождении, отослав затем все личное дело вместе со своим постановлением по тому адресу, куда следовал пересыльный заключенный. Технически это проделать можно так. Право вскрывать пакеты на пересыльных заключенных предоставлено прокурорскому надзору (в целях соблюдения ст. 6 УПК); поэтому прокурор, получив заявление такого пересыльного об отбытии им половины срока, обозревает его личное дело и в случае соответствия его заявления действительности направляет это личное дело в подлежащий расприкрыть. Права же расприкрыть на всем протяжении РСФСР одинаковы. Следует только при этом требовать от администрации всех мест заключения при отправлении пересыльных давать последним подробную характеристику, помещая такую в личном деле заключенного. Таким путем будет достигнуто правильное и целесообразное использование всех льгот прогрессивной системы наших мест заключения в одинаковой степени для всех заключенных.

По этому вопросу следовало бы высказаться Гл. Управл. местами заключения РСФСР.

Тут следует также указать и на неувязку п. 5 ст. 20 ИТК со ст. 197 того же ИТК по поводу наложения дисциплинарного взыскания за просрочку отпуска заключенным. До сих пор спорно, кто может наложить это дисциплинарное взыскание — наблюдком или расприкрыть? Это тоже должно обратить внимание Главумзак.

Последний вопрос, требующий разъяснения центра, — это необходимость точного разграничения работ, считающихся производимыми для самообслуживания мест заключения в порядке очереди, и работ, подлежащих зачету в порядке ст. 52 ИТК, так как места заключения сплошь и рядом склонны зачитывать всякую решительную работу (ведущуюся успешно) по ст. 52 ИТК.

Пом. прокурора П. Байрон.

АССР немцев Поволжья,
гор. Повровск.

Из деятельности Верховного Суда.

Определения ГСК.

По протесту пом. прокурора по труд. делам при Верх. Суде в порядке надзора по делу гр. Озерецковского с правл. жил. т-ва о взыскании с последнего вознаграждения за сверхурочные работы, выходного пособия и восстановлении в должности.

Гр. Озерецковский подал в трудсессию г. Москвы заявление о взыскании с правления жил. т-ва д. 11/2 по Армянскому пер. вознаграждения за сверхурочные работы, выходного пособия и восстановлении в должности. Трудсессия искковые требования Озерецковского удовлетворила, а Московский губсуд это решение трудсессии оставил в силе.

По протесту пом. прокурора по трудовым делам при Верховном Суде в порядке надзора гр. касс. коллегии Верх. Суда вынесла следующее определение:

«Рассмотрев настоящее дело, ГСК находит:

1) что при рассмотрении настоящего дела, в частности, при разрешении вопроса о правильности увольнения истца и о выплате ему вознаграждения за пропущенное время, трудсессия оставила без обсуждения вопрос об инвалидности истца, между тем как в представленных к делу документах имелись указания на эту инвалидность;

2) что указанный вопрос имеет в данном случае существенное значение, поскольку состояние истца инвалидом 2-й группы давало ответчику право на расторжение с ним трудового договора, с другой же стороны, состояние истца инвалидом и получение им в силу этого пенсии, во всяком случае, служило основанием для отказа истцу в его требованиях об оплате прогула;

3) что оставление без обсуждения указанного вопроса имело последствием вынесение решения, не соответствующего фактическим обстоятельствам дела;

а потому ГСК определила: решение трудсессии г. Москвы от 6—9 ноября 1925 г. и от 3—6 апреля 1925 г. и определение Мосгубсуда от 27 мая 1925 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение через Московский губсуд в ту же трудсессию в другом составе.

(Определение по делу № 31794).

Определения УСК.

По касс. протесту прокурора Ульяновской губ. на приговор Ульяновского губсуда от 7 апреля 1926 года.

Приговором Ульяновского губсуда от 7 апреля 1926 г. — Шинко, Павел Васильевич, 34 лет, обезданк лесничества, Чиндин, Леонтий Артемьевич, 25 лет, Крылов, Михаил Николаевич, 31 года, Игнатьев, Тимофей Семенович, 22 лет, — все трое лесники Аргашского лесничества — были признаны виновными по ст.ст. 107 и 108 УК, при чем мера социальной защиты по приговору была такова: «гр-на Шинко, Павла Васильевича, и гр-на Чиндина, Л. А., Игнатьева, Т. С., и Крылова, М. Н., признать виновными, первого по ст. 107 и остальных по ст. 108 УК, и определить всем четырем меру воздействия по 2 ч. 105 ст. УК, т. е. дисциплинарное взыскание по месту службы их, с возложением на них обязанности возместить причиненные казне убытки, с увольнением от должностей».

Формулировка обвинения Шинко и остальных трех была такова: «в отношении всех четырех перечисленных обвиняемых обвинение подтвердилось, так как в обезде Шинко обви-

ружены очень значительные порубки леса, в обходах, в которых лесниками были остальные три обвиняемых, произвели столь значительные порубки, которые при правильном исполнении об'ездчиками своих служебных обязанностей были бы ны своевременно обнаружены и в дальнейшем хоть в некоторой степени предупреждены; на слабое охранение леса указывает, кроме большого количества пней от самовольных порубок, и то еще обстоятельство, что во всех обходах найдены заготовленные самовольными порубщиками бревна, за которыми потом порубщики надеялись приехать в лес, след., они считали, что мало рискуют, оставляя эти бревна на некоторое время в лесу. Правда, что тем же судебным следствием выяснена крайняя загруженность как об'ездчика, так и лесников служебной работой, главным образом, по отводу лесосек, что не давало им возможности все свое внимание уделять собственно охране леса. Относительно трех вышеупомянутых, кроме Пиншко, обвиняемых, служащих лесниками в Аграшском лесничестве (из них Игнатьев в настоящее время на службе не состоит), суд находит халатное их отношение к своим обязанностям также доказанным, но находит смягчающее их вину обстоятельство в том же вышеупомянутом обстоятельстве—загруженности работой, почему ко всем четырем вышеупомянутым лицам считает нужным применить карательную санкцию по ст. 105, ч. 2, УК, так как по отношению каждого из указанных четырех лиц, кроме того, нет указаний на корыстную цель».

Тем же приговором в отношении пятого подсудимого лесника Маенкова постановлено: «В отношении обвиняемого Маенкова, Андрея Ивановича, 52 лет, имея в виду незначительность обнаруженной у него самовольной порубки при условии вышеупомянутой загруженности, суд находит возможным дело прекратить на основании ст. 4-а УПК, как не представляющееся по деянию Маенкова общественно-опасным и по его маловажности».

В протесте на этот приговор губпрокурор указывал на противоречие между резолютивной и описательной частями приговора, что выразилось в назначении дисциплинарного воздействия при установлении преступления, а также на недопустимость назначения дисциплинарных взысканий в уголовном порядке.

УКК Верхсуда РСФСР, рассмотрев дело в заседании от 11 октября 1926 г. и выслушав заключение пом. прокурора, определила:

«Суд в приговоре по настоящему делу, установив в действиях подсудимых наличие признаков ст.ст. 107 и 108 УК, вместо осуждения их по этим статьям перешел к дисциплинарному воздействию и наложил взыскание, предусмотренное 2 ч. ст. 105 УК. Это совершенно неправильно. Если суд в процессе судебного следствия, рассматривая дело по существу, установит, что в действиях подсудимых отсутствует состав преступления, он должен их оправдать. Если при этом суд укажет в действиях подсудимых признаки дисциплинарного проступка, он должен передать дело на разрешение в соответствующие органы для разбора его в дисциплинарном порядке. Уголовный суд ни при каких условиях не может налагать дисциплинарного взыскания. Такие же правила должны соблюдаться судом и в стадии предания суду обвиняемых с той только разницей, что вместо оправдательного приговора суд выносит определение о прекращении дела в уголовном порядке в распорядительном заседании».

Также неправильно преобразование дела по ст. 4-а УПК в отношении Маенкова, Андрея, в отношении которого суд установил наличие лишь дисциплинарного проступка. Не говоря уже о том, что прекращение дела по ст. 4-а УПК не может иметь места в судебном заседании после проведения по делу судебного следствия, прекращение дела по ст. 4-а УПК вообще допустимо лишь в отношении тех действий обвиняемого, которые требуют применения мер социальной защиты в уголовном порядке. Ни в коем случае недопустимо применение ст. 4-а УПК к дисциплинарным проступкам, как это имело место в данном случае. В подобных случаях суд должен поступать так же, как указано выше, т.е. передать дело на рассмотрение в порядке 2 ч. ст. 105 УК, оправдав подсудимого или прекратив о нем дело в уголовном порядке в зависимости от того, в какой стадии процесса он установит, что в действиях обвиняемого состав преступления отсутствует. В виду изложенного и на основании п.п. 2 и 3 ст. 413 УПК, приговор по настоящему делу в целом отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе со стадии предания суду».

(Определение по делу № 210.319).

В институтах и обществах.

Дисциплинарная и имущественная ответственность госслужащих.

(В Бюро юрисконсультов при Инст. Эконом. Исследований НКФ СССР.)

В одном из последних собраний Бюро юрисконсультсов при Институте Экономических Исследований НКФ СССР Ф. К. Ариольд был прочитан доклад на тему о дисциплинарной и имущественной ответственности госслужащих. Содержание доклада вкратце заключается в следующем.

Новое пол. о дисциплинарных судах (пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 9 июля 1926 г.) и пост. СНК РСФСР от 28 августа с. г. о трудовой дисциплине госслужащих представляют из себя крупные вехи в развитии нашего законодательства о дисциплинарной ответственности госслужащих. Однако, вопрос этот, возникающий почти каждодневно в практике госорганов, попрежнему вызывает противоречивые толкования и требует дальнейшего уточнения. Прежде всего, почти по каждому делу о том или ином проступке должностного или хозяйственного характера является необходимостью в проведении грани между уголовной и дисциплинарной ответственностью. Ст. 105 УК, предусматривающая в своей первой части уголовную, а во второй дисциплинарную ответственность и являющаяся вместе с тем родовою статьей для многих других статей раздела о должностных преступлениях, для наличия уголовной ответственности кроме формальных признаков выдвигает ряд альтернативных дополнительных признаков. Если понятия, составляющие первые два альтернативных признака—наличие корысти или систематичности—не вызывают каких-либо сомнений, то последний признак—особо тяжелые последствия—подвергается на практике самым разноречивым толкованиям: определить, как отозвался на работе предприятия тот или иной служебный проступок, представляется весьма затруднительным, а в момент совершения проступка зачастую и невозможным.

Точно также для применения статьи 128 УК о бесхозяйственности (раздел хозяйственных преступлений) необходим признак «трудно возмestimого ущерба», под каковым, согласно инструктивного письма Верхсуда РСФСР № 1 1926 г., «надлежит понимать такой ущерб учреждению или предприятию, который серьезно отразился на операциях данной хозяйственной единицы в целом, следовательно, в каждом отдельном случае решающую роль будет играть не сумма причиненных убытков, а соотношение между причиненными убытками и размерами операций данной хозяйственной организации». Несомненно, что цитируемое инструктивное письмо Верхсуда, внося большую ясность в определение понятия бесхозяйственности, все же не проводит сколько-нибудь исчерпывающей в логически-правовом смысле черты между уголовной и дисциплинарной ответственностью в этом отношении. Уточнение понятия «особо тяжелых последствий» в связи с введением для уголовно-наказуемого в этом отношении деяния понятия «грубой небрежности», с одной стороны, и расширение круга лиц, подведомственных компетенции дисциплинарных судов, с другой стороны, могли бы способствовать уяснению и размежеванию этих двух сопредельных областей.

Если первый этап пройден и проступок служащего правильно квалифицирован, как деяние, влекущее за собой дисциплинарную ответственность, то возникает следующий вопрос о порядке применения дисциплинарного взыскания.

Для наложения дисциплинарного взыскания на ответственных руководителей госорганов учреждены дисциплинарные суды, куда дело направляется в случаях, когда такое направление соответствует серьезности упущения или проступка. Неопределенность признака «серьезность проступка» вновь ставит направление дела в зависимость от усмотрения направляющих органов, каковые перечислены в декрете ВЦИК от 27 января 1921 г. В положении о дисциплинарных судах перечислен и круг ответственных руководителей, проступки которых подсудны дисциплинарным судам.

Менее серьезные проступки ответственных руководителей госорганов и вообще все служебные проступки остальных служащих подлежат дисциплинарному взысканию в административном порядке без производства в дисциплинарном суде. Этот порядок предусмотрен декретом ВЦИК от 27 января 1921 г. и требует для наложения взыскания по самому маловажному проступку распоряжения наркома или соответствующего члена коллегии наркомата. Кроме того, декрет этот говорит лишь о служащих госучреждений и не распространяется согласно разъяснения НКЮ на хозяйствен-

приятня. Вследствие этого должно было получить особое значение пост. Наркомтруда и РКК от 3 февраля 1925 г. о трудовой дисциплине, на котором можно было бы основывать дисциплинарные меры воздействия на рядовых сотрудников хозяйственных предприятий, так как оно предоставляло в распоряжение административных госорганов право наложения дисциплинарных взысканий вплоть до увольнения. Однако, постановлением Наркомтруда и РКК от 19 сентября 1925 г. указанное выше постановление от 3 февраля 1925 г. было изменено, главным образом, в части, касающейся дисциплинарной власти административных, и поддержание трудовой дисциплины оказалось не обеспеченным какими-либо санкциями. Таким образом, зияющий пробел в дисциплинарной системе остался невосполненным.

Нельзя сказать, чтобы вновь изданное постановление СНК РСФСР от 28 августа с. г. также охватывало вопрос во всей его полноте. Прежде всего, в тексте постановления везде говорится о госучреждениях и нет ни одного упоминания о хозяйственных. Такая строго выдержанная редакция не дает оснований к применению аналогии и распространению закона и на хозорганы. Далее, ставя целью поднятие трудовой дисциплины служащих и повышение производительности труда, т. е. охватывая работу сотрудника и с внешней стороны (трудовая дисциплина) и с внутренней (производительность, качество), пост. СНК в дальнейшей части выдвигает лишь первую сторону, сводя как бы весь комплекс служебных обязанностей к сфере правил внутреннего распорядка. Между тем, несомненно, многие случаи служебных упущений нельзя подвести под нарушение правил распорядка или можно подвести с большой натяжкой. Следовательно, последнее постановление СНК от 28 августа с. г. только путем толкования, а не непосредственно, может заполнить настоящую необходимость в твердых нормах дисциплинарной ответственности госслужащих по всем видам служебных нарушений.

Что касается мер дисциплинарных взысканий, пост. СНК ставит вопрос определенно и в соответствии с Код. зак. о труде, поручая НКТ по соглашению с ВЦСПС выработать примерный табель взысканий за нарушение трудовой дисциплины.

Если вопрос о личной ответственности сотрудников получил некоторое продвижение с изданием пост. СНК о трудовой дисциплине госслужащих, хотя это продвижение и ограничено пределами госучреждений, то вопрос об имущественной ответственности за вред и убытки, причиненные *неправильными служебными действиями или упущениями*, ждет определенной постановки и решения. В условиях режима экономии материальная сторона дела не может вполне заслоняться личной ответственностью служащих. Во всяком случае, администрация госорганов (учреждений или предприятий безразлично) должна иметь твердую опору в законе для установления объема ее прав и вместе с тем обязанностей по реализации претензий о покрытии вреда и убытков, происшедших от служебных нарушений.

Единственно твердым основанием для взыскания со служащих убытков, причиненных их *неправильными служебными действиями*, является ст. 83 Код. зак. о труде, допускающая, как известно, за порчу приспособлений, изделий и материалов по постановлению РКК единовременный вычет из заработка служащего в размере стоимости повреждения, но не свыше одной трети его месячной тарифной ставки. Ст. 83 носит, как видно, скорее штрафной характер, и, не говоря уже о некоторой искусственности в слишком распространительном толковании ее за пределы случаев порчи приспособлений и материалов, следует отметить, что тесная, ограниченная ответственность по этой статье (единовременно не свыше одной трети заработка по тарифной сетке) зачастую не дает возможности полного покрытия причиненных убытков. Естественно, поэтому возникает вопрос о применимости в случае пробелов в Код. зак. о труде норм Гр. Код. в трудовым отношениям, в частности, статей 117 и 403 Гр. Код., которые при их применении давали бы возможность полного возмещения причиненных служащими убытков.

Вопрос этот решается, как известно, нашими теоретиками диаметрально противоположно.

Однако, если даже признать применимость норм Гр. Код. к пробелам трудового законодательства, то, несомненно, совершенно переплетенным является вопрос о том, применима ли к трудовым отношениям ст. 117 этого Код. и не противоречит ли она общим началам нашего трудового законодательства. При спорности этих положений приобретает особое значение практика наших высших судебных органов, дающая известное направление и основания для разрешения чл. 117 Гр. Код. в подобных случаях.

Определения ГРК Верховного суда и разъяснения пленума Верховного суда от 25 октября и 30 ноября 1925 г., от 11 марта 1926 г., опубликованные в № 29 «Е. С. Ю.», и др. наметили целый ряд положений, сводящихся к следующему: 1) ответственность служащих за свои действия свыше нормы ст. 83 Код. зак. о труде может вытекать лишь из особых договорных отношений или особого служебного положения служащего, т. е. из самого существа его обязанностей, а также из особого каждый раз приговора общего или дисциплинарного суда о возложении на подсудимых обязанности загладить причиненный ими вред, и 2) вне этих случаев вопрос о порядке и способах возмещения причиненных убытков должен разрешаться на основе положений Код. зак. о труде, т. е. на основании статьи 83 его.

Таким образом, как правило, твердо устанавливается ограниченная ответственность госслужащих за причиненный ими убыток по служебным упущениям, ибо, по мнению Верховного суда, полное возмещение убытков привело бы к предъявлению «бессмысленных» многотысячных исков к мелким служащим и явилось бы обременением трудящихся на долгий ряд лет, что противоречит политике Рабоче-Крестьянского Правительства.

Случаи полной ответственности, вытекающей из существа обязанностей госслужащего, не совсем ясны и по делам, рассмотренным Верховным судом, сводятся к случаям хранения материальных ценностей, вверенных служащим.

Таким образом, из краткого обзора законодательства и практики видно, что как в вопросах личной ответственности госслужащих, так и в вопросах имущественной ответственности не имеется ни исчерпывающих норм, ни определенных, не допускающих разногласий, положений. Между тем, и полнота и определенность правовой регламентации в рассматриваемой области необходимы, в особенности в условиях режима экономии и вытекающих из него требований понижения издержек, четкости работы и развития полной производительности труда. Если в области трудового права советскому законодательству приходится пробовать совершать новые пути, то тем более в этой области ошутительна потребность в твердо выраженных и всесторонне охватывающих принципах. Этой цели могло бы послужить издание общего законоположения о личной и имущественной ответственности по служебным нарушениям.

Хроника.

Обжалование взысканий за мелкую фабрично-заводскую кражу.

Постановление НКЮ и НКТруда от 1 апреля 1926 г. совершенно не предусматривает порядка обжалования рабочих налагаемого на них взыскания за мелкую фабрично-заводскую кражу на сумму меньше 15 руб. Между тем, в МГСПС поступает много обращений со стороны рабочих московских предприятий, которые сообщают случаи совершенно неосновательного наложения таких взысканий, как увольнение за проступки, трактуемые, как кражи.

Обычно взыскания эти налагаются исключительно администрацией, что, по понятным причинам, дает широкое поле для произвола.

Президиум МГСПС признал необходимым предоставить право уволенным за мелкие кражи передавать дела для обжалования в особую сессию по трудовым делам. В этом же смысле решено просить ВЦСПС поставить вопрос об изменении апрельского постановления Наркомюста и Наркомтруда.

Жалобы на решения конфликтных органов.

НКТруд РСФСР вновь подтвердил («Изв. НКТ» № 36), что жалобы на решения конфликтных органов (РКК, примирительных камер, третейских судов) должны подаваться по месту нахождения конфликтного органа, решение которого обжалуется в соответствующий местный орган Наркомтруда (камера инспектора труда, отдел труда), который и выносит по этой жалобе соответствующее постановление.

Дальнейшее обжалование, т. е. на постановление местного органа НКТ, вынесенное по жалобе и не удовлетворяющее жалобщика, должно подаваться также в тот же местный орган НКТ, на постановление которого и подается жалоба, и который эту жалобу вместе со всем материалом по данному делу в течение 3 дней препровождает в следующий вышестоящий орган НКТ (областной, краевой отдел труда, НКТ авт. республики, а в соответствующих случаях и в НКТ РСФСР).

Обязательность решений третейских судов по конфликтам при заключении коллективных договоров.

НКТруд СССР по согласованию с ВЦСПС постановил, что в случае уклонения от подписания коллективного договора после состоявшегося решения третейского суда в целях предупреждения остроты в проведении договора органами НКТ производится регистрация подписанного сторонами договора, содержащего лишь пункты, по которым состоялось соглашение сторон. Постановления же третейского суда, не вошедшие в составленный таким образом коллективный договор, как обязательные для сторон независимо от их согласия и наличия их подписей, приобщаются к договору.

При невыполнении материальных обязательств, вытекающих из решения третейского суда, органы НКТ дают визу на получение исполнительного листа (ст. 174 Код. зак. о труде).

Кроме того, органы НКТ в случаях отказа от подписания договора с включением пунктов, принятых решением третейского суда, а также в случаях невыполнения изложенных в состоявшемся решении третейского суда правовых обязательств, принимают меры к привлечению виновных лиц к уголовной ответственности применительно к соответствующим статьям уголовных кодексов союзных республик, преследующим за нарушение законов об охране труда или за нарушение коллективных договоров (ц. НКТ № 180/521—26 г. «Изв. НКТ» № 34).

Регулирование массовой вербовки рабочей силы.

НКТ СССР разработал проект о регулировании операций по вербовке рабочей силы. Согласно проекта дело вербовки должно регулироваться в законодательном порядке.

Массовая вербовка рабочей силы, хотя и может производиться непосредственно нанимателями, как и всякий наем вообще, но должна предварительно согласовываться с биржами труда мест ввоза и вывоза рабочей силы. Это необходимо для изжития случаев ввоза из других районов таких рабочих, которые имеются на местном рынке труда, а также для прекращения конкуренции между вербовками.

По проекту НКТ, наниматель вправе отказаться от приема нанятых рабочих, если они прибыли на место работ с опозданием по их вине более, чем на две недели, или если они потребовали изменения условий труда; в этих случаях нанятые рабочие обязаны по требованию нанимателя вернуть ему стоимость проезда и суточные. В случаях же отказа нанимателя принять рабочих не по их вине он обязан возместить рабочим расходы по проезду и суточные за время проезда из расчета заработной платы, установленной при вербовке. Если после этого рабочий возвращается на прежнее место жительства, эти компенсации выдаются также и по обратный путь.

Если вербовка производится биржами труда, последние должны заключать письменные договоры с нанимателями. За вербовку рабочей силы биржи труда взимают с нанимателей вознаграждение в размере, устанавливаемом соглашением; это вознаграждение расходует биржами исключительно на вербовочные операции.

С некоторыми изменениями проект этот согласован с ВЦСПС.

Исчисление взносов на содержание фабзавместимов.

НКТруд СССР по согласованию с ВЦСПС разъяснил, что взносы на содержание фабзавместимов, на культурно-просветительные нужды и на другие нужды профессиональных организаций исчисляются с фактически выплаченной заработной платы, в которую включаются: вознаграждение за нормальную работу независимо от способа оплаты (помесячного, поденного, сдельного и т. п.); вознаграждение за переработку сверх нормы; стоимость довольствия натурой согласно расценки, установленной коллективным или трудовым договором, за исключением стоимости квартир и коммунальных услуг, предоставляемых государственными органами бесплатно или оплачиваемых ими непосредственно; премиальные и прочие специальные виды вознаграждения лицам, работающим по найму.

При исчислении взносов не включаются в заработную плату следующие суммы: татбемы, наградные, премии и вознаграждения за выполнение специальных поручений, выдаваемые одновременно; выходное пособие, выдаваемое при увольнении, а также единовременное пособие, выдаваемое при призыве на военную службу; суточные и пособия при командировках и переводах, а также суммы, выдаваемые для возмещения расходов при командировках и переводах; компенсация за неиспользованный отпуск, за изнашивание инструмента и за невыданные спецодежду, предохранительные приспособ-

ления и спецмонок (ц. НКТ № 226/528—26 г.—«Труд» № 244).

Разъяснения ВЦСПС.

На запрос Ленинградского ГСПС ВЦСПС разъяснил, что лица, выбывшие из членов союза по инвалидности и затем признанные трудоспособными, должны быть восстановлены в правах членов союза, если они зарегистрировались в союзе в течение 3 месяцев после восстановления трудоспособности.

ВЦСПС согласился с мнением ЦК горняков о том, что члены союза, уходящие из предприятия на полевые работы, сохраняют членство во время полевых работ; при этом они должны обязательно регистрироваться в соответствующих союзных организациях по месту нахождения; за время пребывания на полевых работах они от внесения членских взносов должны освобождаются. ВЦСПС считает также необходимым, чтобы уход на полевые работы и срок оставления работ в производстве оговаривались в колдоговоре.

Независимость выдачи пособий безработным от имущественного положения членов семьи безработного.

Союзный Совет соц. страхования разъяснил (№ 207/918—«Изв. НКТ» 1926 г. № 36), что при назначении пособий по безработице не подлежит учету ни имущественное положение членов семьи безработного (в частности, их доходы и заработки), ни фактическое нахождение безработного на иждивении членов семьи либо посторонних лиц.

Борьба с прогулами.

Наркомздравом принят ряд мер в целях борьбы с прогулами. Обслуживание рабочих и служащих медпомощью во всех лечебных и лечебно-профилактических учреждениях решено производить преимущественно в нерабочее время. Прием больных будет приспособлен к местным условиям. Местам предложено разработать порядок очередности в приеме больных в лечебных учреждениях в нерабочее время. Приняты меры к ликвидации очередей в лечебных учреждениях: упрощается регистрация больных, сокращается до минимума время ожидания в очереди, время выдачи различных справок и удостоверений. Обращено внимание на необходимость сократить непроизводительную трату времени врачом в ожидании разведения и одевания больных.

В случае обнаружения признаков острого опьянения больничные листки выдаваться не будут. Врачебно-контрольным комиссиям вообще предложено особенно внимательно относиться к делу определения временной нетрудоспособности как в отношении оценки состояния данного больного, так и в отношении определения действительной необходимости отпуска и лечения. Повсеместно вводится регистрация и учет случаев симуляций.

Медпомощь застрахованным, проживающим в других губерниях.

НКЗдрав РСФСР постановил: оказывать все виды медицинской помощи застрахованным, которые по характеру своей работы находятся временно (служебные командировки и проч.) в пределах другой губернии, края или области, бесплатно и без установления взаимных расчетов, за исключением дорого стоящих видов помощи (протезы, курорты, санатории и др.); оказывать застрахованным, имеющим длительное пребывание в другой губернии, области или крае без внесения за них страховых взносов по месту временной работы, все основные виды медпомощи бесплатно наравне с местными застрахованными, с установлением взаимных расчетов соответствующих здраводелов за оказанную помощь; членам семей застрахованных, проживающим вне губернии, области или края, где застрахованные работают и за них вносят страховые взносы, оказывать по месту жительства все основные виды медицинской помощи бесплатно наравне с местными членами семей застрахованных, с установлением взаимных расчетов соответствующих здраводелов за оказанную помощь (ц. НКЗдрава № 121—26 г.—«Вестн. НКЗдрава» № 16).

Взыскание неустоек по договорам гос. подрядов и поставок.

НКФ РСФСР преподал органам финансового контроля ряд указаний по ревизии отчетности, касающихся неустоек (ц. № 871—26 г.—«Вестн. НКФ» № 43/44).

Выводя из обязательности включения в договор подряда (поставки) условия о неустойке со стороны подрядчика (поставщика) и обязательность взыскания с него этой неустойки (ст. 10 пол. о гос. подрядах и поставках), НКФ оговаривает, что в действующем законодательстве не содержится

указаний на то, имеют ли какие-либо государственные органы, и, если имеют, то какие именно, право слагать или уменьшить неустойку. А так как такое право предполагаться не может, а должно быть установлено законодательным порядком, то отсюда необходимо заключить, что никакие госорганы такого права не имеют.

В отношении судебных органов НКФ отмечается несомненное их право присуждать или отказывать (но не слагать) в целом или в части неустойки. Это право вытекает из содержания ст. 142 ГК, а также п. «в» ст. 5 пол. об арб. ком. при СТО и п. «в» ст. 10 пол. об арб. комиссиях по разрешению имущественных споров между госучреждениями и предприятиями РСФСР.

Таким образом, взыскание с подрядчика или поставщика обусловленной договором неустойки является обязательным для государственного органа, заключившего договор, и в случае отказа от добровольной уплаты таковой должно быть произведено судебным порядком.

При наблюдении за практическим осуществлением подотчетными учреждениями названного права на органах финансового контроля лежит, однако, обязанность производить в каждом данном случае обстоятельное ревизионное обследование всех обстоятельств дела и лишь в связи с его результатами решать вопрос о том, насколько целесообразно будет настаивать на взыскании с подрядчика или поставщика неустойки. Напр., было бы нецелесообразно настаивать на взыскании неустойки, когда просрочка или неисполнение договора произошли по причинам, которых подрядчик предвидеть и устранить не мог, как, напр., стихийные бедствия, пожар, нашествие неприятеля и т. п.

Главным образом, в тех случаях, когда просрочка или неисполнение договора подрядчиком (поставщиком) была вызвана действиями государственного органа, заказчика (неаккуратностью платежей, изменением условий заказа и т. п.), настаивать на предъявлении судебного иска о взыскании неустойки было бы нецелесообразно, так как могло бы иметь последствием предъявление встречных требований со стороны подрядчика или поставщика.

Регистрация земельных записей.

В целях ускорения процесса оформления землеустроительных дел НКЗем предложил местным земуправлениям (ц. № 312/58—33—26 г.—«С.-Х. Ж.» № 38) составлять земельные записи в 2-х экземплярах с тем условием, что указанный в п. 17 инструкции 2 мая 1923 г. чертеж землепользования (копия подлинного плана или выкопировка из него) помещается на обоих экземплярах только в том случае, когда он может быть изображен без изменения масштаба подлинного плана на большом формате земельной записи (целый лист александрийской бумаги—нерулоной).

В тех же случаях, когда чертеж землепользования (копия плана или выкопировка из него) не может быть помещен на земельной записи большего формата в масштабе подлинного плана, землепользование изображается только на том экземпляре земельной записи, который предназначен для выдачи заинтересованному землепользователю. Ко второму экземпляру записи, на котором заполняется вся текстовая часть, должен быть приложен подлинный план или на нем сделана отметка о месте нахождения подлинного плана, если вторые экземпляры земельных записей остаются на хранении не в том месте, где хранятся подлинные планы.

Дела о лесных правонарушениях.

В дополнение ц. НКЗема и НКЮ от 2/V—25 г. № 262/83-Л НКЗем установил формы протоколов, подлежащие применению по лесным правонарушениям, предусмотренным 2 ч. ст. 99 Угол. Код. Формы объявлены при ц. НКЗема № 290/49-Л от 25/VIII—26 г. («С.-Х. Ж.» № 36).

Регистрация охотничьих кооперативов.

НКЗ разъяснил (ц. № 305/83—СЭ—«С.-Х. Ж.»—26 г. № 38), что уставы охотничьих кооперативов и их союзов, дела которых приняты земельными управлениями от органов ВСНХ, должны быть внесены в реестры кооперативных организаций земуправлений на основании полученных материалов с соответствующими отметками на действующих уставах организаций.

Оформление регистрации уставов этих охотничьих кооперативных объединений предложено закончить с таким расчетом, чтобы состояние охотничьей кооперации на местах было выявлено с достаточной полнотой в годовом отчете

за 1925—1926 операционный год наряду с прочими видами кооперативных объединений, регистрируемых земуправлениями.

Пенсии и пособия арестованным застрахованным.

Союзный Совет соц. страх. РСФСР одобрил проект постановления о выплате пособий и пенсий застрахованным, лишенным свободы.

Согласно проекта, арестованным пенсионерам труда, временно нетрудоспособным и безработным, пользующимся правом на пособие из страхкасс, за все время нахождения их под стражей выдача пенсий и пособий не производится. С момента освобождения выдача пенсий и пособий им, если только трудоспособность не восстановилась, возобновляется. В случае же оправдания или прекращения дела арестованного пенсионера или застрахованного пенсия или пособие по временной нетрудоспособности может быть выдана за все время нахождения его под стражей, но не свыше чем за 2 месяца. При нахождении безработного, пользующегося правом на обеспечение по безработице под стражей меньше месяца, пособие выдается и за время нахождения его под стражей.

Если у арестованного пенсионера имеется семья, находящаяся на его иждивении, то она пользуется за все время нахождения под стражей пенсионера правом на пенсию в размере, установленном для нетрудоспособных членов семьи умершего застрахованного, не свыше размера пенсии, которая причиталась бы самому пенсионеру. При наличии у арестованного после временной утраты трудоспособности семьи последняя пользуется правом на пособие в размере двух третей пособия, которое причиталось бы самому застрахованному. Пособие это выдается семье с момента ареста временно нетрудоспособного до выздоровления его, но не свыше 2 месяцев. Семьи же застрахованных, ставших временно нетрудоспособными в период нахождения под стражей, правом на пособие не пользуются. Дополнительные пособия выдаются арестованным застрахованным лишь в том случае, если страховой случай наступил до ареста или во время ареста, но до расторжения с застрахованным по месту его службы или работы договора о найме.

Денежные передачи заключенным, не имеющим в местах заключения какого-либо заработка.

В целях предоставления возможности усилить питание тех заключенных, которые по независящим от них обстоятельствам лишены в месте заключения какого-либо заработка или заработка которых крайне мал, НКВД (ц. № 350—26 г.—«Бюлл. НКВД» № 22) разрешает принимать с волн передачи деньгами для таких заключенных без ограничения суммы с предоставлением их права приобретать на эти деньги продукты питания на общую сумму до 10 рублей ежемесячно.

В отношении излишка сверх 10 рублей сохраняют силу ограничения пользоваться числящимися на счету заключенных деньгами, предусмотренные ст.ст. 130—132 ИТК.

Ответственность за контрабанду наркотических средств.

Главное Таможенное Управление, согласно разъяснения Отдела Прокуратуры НКЮ РСФСР предложило таможенным учреждениям, расположенным на территории РСФСР, приять к руководству и исполнению, что лица, виновные в контрабандном водворении наркотических средств, а также в хранении или сбыте этих средств, должны привлекаться к уголовной ответственности по ст. 140-д УК РСФСР по конфискации товаров и наложению штрафов в административном порядке (приказ № 234—«Сов. Торг.», прил. № 12).

На местах.

Прокуратура и революционная законность в Ульяновской губ.

Работа прокуратуры по наблюдению за выполнением революционной законности делится на борьбу с нарушениями законов и пропаганду советского права.

Эта работа имеет многоликую форму и выражается в целом ряде действий, вытекающих как из обращений в прокуратуру посетителей, поступающих от всей массы населения жалоб и заявлений, сообщений рабселькоров и т. п., так и собственной инициативы прокуратуры: докладов, отчетов, выездов на места, обследований, совещаний и т. п.

О работе Ульяновской прокуратуры с посетителями говорят следующие цифры посетителей:

	II-е полугод. 1925 г.	I-е полугод. 1926 г.
Губпрокуратура	1120	1024
Городская камера	—	186
Ульяновский уезд	301	693
Сызранский „	1675	2272
Ардатовский „	374	709
Нарсунский „	405	491
Итого	3875	5375

Здесь приходится, наряду с общим увеличением посетителей, объясняемым более точным их учетом в этом полугодии, отметить особо увеличение посетителей в Сызранском уезде, где количество их превышает все вместе взятые участки прокуратуры. Такое положение в Сызранском уезде говорит о том, что здесь прокуратура особенно близко стала к массам населения.

Кто же обращался в прокуратуру за разрешением своих насущных интересов в I половине 1926 года:

	Губпрокуратура.	Уезды.
Рабочие	153—14,9%	653—13,7%
Крестьяне	418—40,6%	2526—58,5%
Служащие	278—27%	1009—23,2%
Прочие	175—17,5%	163—4,8%

Сравнение количества поступивших в прокуратуру жалоб за 2 предыдущих года и последнее полугодие 1926 г. указывает на стремление к стабилизации их. Так, поступило жалоб: в 1924 г.—4.409; 1925 г.—3.761; в I пол. 1926 г.—1.846.

От кого поступили жалобы за последнее полугодие: от учреждений и организаций—182, от рабочих—203, от крестьян—1.226, от нетрудового элемента—55.

На кого жаловались: на действия ГИК'а и его отделов—31 жалоба, УИК'ов и их отделов—124, сельсоветов, волости и друг. органов власти—1.703.

Что же заставляло обращаться в прокуратуру с жалобами, какие права граждан нарушались? На незаконное обложение поступило 150 жалоб, на неправильное землеустройство—123, на медленность и волокиту в адм. организациях—321, на медленность производства дознания, следствия, суда—472, на муниципализацию и по жилищным вопросам—48, на незаконные штрафы и конфискацию—70, на незаконное лишение избирательных прав—5, прочих—69.

По всем этим рассмотренным прокуратурой жалобам были приняты меры, за исключением 72 жалоб, оставленных прокуратурой без последствий, ввиду отсутствия достаточных оснований к возбуждению по ним производства. Особенно свое внимание прокуратура заострала на скорости движения жалоб, и в результате всех мер, принятых прокуратурой, при анализе движения жалоб выяснилось, что максимальный срок прохождения жалоб по всем инстанциям—81 день, минимальный—1 день и средний—17 дней.

Конечно, указанные выше сроки не являются нормальными, и прокуратура вновь приняла целый ряд мер для поуждения различных органов власти к своевременному рассмотрению жалоб и изжитию волокиты.

Отдельно необходимо остановиться на жалобах, поступающих от заключенных. Всего жалоб от них поступило: за I полугодие 1925 г.—609, за II полугодие 1925 г.—477, за I полугодие 1926 г.—630, что дает некоторое повышение в последнем полугодии. Заключенные жалуются преимущественно на медленность производства следствия и дознания, медленность в рассмотрении дел в судах, жалуются также и на недостатки в самих местах заключения.

В результате точного разграничения функций в работе по газетным заметкам губпрокуратура в последнем полугодии принимала к своему производству только те заметки, в которых имелись указания на деяния уголовного порядка или влекущие за собой дисциплинарную ответственность. Поэтому при сравнении количества заметок, принятых прокуратурой к производству, видно резкое падение их в 2-х последних полугодиях. Так, в I половине 1925 г. приняты меры по 2.427 заметкам; во II половине 1925 г. по 1.126 и в I полугодии 1926 г. только по 705 заметкам. Меры по остальным заметкам принимались РКИ и редакциями газет непосредственно.

Какие же меры приняты прокуратурой по заметкам в I полугодии 1926 года? В порядке надзора—461 зам.—65%; направлено: в органы дознания—225 зам.—32%, в органы следствия—12 зам.—2%, в органы суда—7 зам.—1%.

В результате мер, принятых прокуратурой за I полугодие 1926 года: осуждено—33 чел., подтверждено дисциплинарному взысканию—6 чел., отменено незаконных распоряжений—21, исполнено других предложений прокуратуры—391; улучшение обработки газетных заметок, а также освещение этого вопроса в печати дало снижение % неподтвердившихся заметок, и если в 1925 г. в среднем не подтвердилось 28% заметок, то в I половине 1926 г.—всего 12%.

Прокуратура приняла всевозможные меры к быстрой продвижению заметок и в этом отношении достигла больших успехов, о чем свидетельствует нижеприводимая сравнительная таблица о сроках нахождения заметок в производстве.

	II-е полугод. 1925 г.	I-е полугод. 1926 г.
До 1 месяца	26%	71%
До 3 „	54%	26,5%
До 6 „	20%	2,5%

Сравнивая последние 2 полугодия мы увидим как бы некоторое снижение количества выездов прокуратуры в деревню и дней проведенных в деревне, а именно:

	II-е полугод. 1925 г.	I-е полугод. 1926 г.
Сделано выездов	60	54
Проведено дней	358	254
Посещено сел.	122	120

Но вместе с тем количество произведенных обследований пизовых органов власти, результаты, полученные при обследованиях, и работа, проведенная на местах, говорят не о снижении, а, наоборот, о расширении этой работы. Так прокуратурой обследованы:

	II-е полугод. 1925 г.	I-е полугод. 1925 г.
ВИК'и	17	17
Сельсоветы	19	36
Волземкомиссии	13	18
Волмиллиции	22	19
Итого	71	90

В результате выездов в деревню прокуратурой за I полугодие 1926 г. принято 342 письменных и 256 устных жалоб, возбуждено 173 уголовных преследования, кроме того, по растратам—36 и возбуждено дисциплинарных преследований 23.

В результате участия прокуратуры в заседаниях исполнительных комитетов и других органов, просмотра их протоколов и выездов на места прокуратурой приносилось протесты на незаконные постановления органов власти, при чем последнее полугодие дало особенный рост опротестованных постановлений сельсоветов.

Опротестованные постановления были таковы:

	1924 г.	1925 г.	I полугод. 1926 г.
ГИК'ом	18	10	9
Его отделами	—	—	1
УИК'ами	6	24	7
Их отделами	3	10	11
ВИК'ами	6	33	38
Сельсоветами	3	10	56
Итого	38	87	122

Главнейшими видами опротестованных постановлений были: незаконные постановления о самообложении, нарушение правил о местных финансах, нарушение нового положения о вол. и сельсоветах, необоснованные административные взыскания, а также нарушение кодексов: Лесного, Земельного, жилищного законодательства и др.

Отглядываясь теперь на пройденный путь по внедрению ревзаконности, прокуратура хорошо сознает, что еще многое необходимо сделать для окончательного изжития нарушений советских законов, еще есть дефекты в работе аппарата.

Работа трудная, требующая напряженного и неослабного внимания, и центр, учтя обстоятельства работы, расширит сеть прокуроров до 2-х на уезд. В новом, полномочном составе прокуратура, как страж ревзаконности, пойдет по старому пути, по пути охраны прав трудящихся, расширяя и углубляя свою работу до самых низов общности, до советской деревни.

Манаренко.

Гор. Ульяновск.

Библиография.

1. «Гражданский Процессуальный Кодекс РСФСР с по-
ставленными систематизированным материалом». Составили
Председатель ГПК Верховного Суда РСФСР С. А. Александровский
и Член той же Коллегии В. Н. Лебедев. С предисловием
Я. Н. Бранденбургского. Изд. 2-е, дополненное и переработан-
ное. Юрид. Изд. НКЮ. Москва, 1926 г. Цена 2 р. 75 коп.

2. «Гражданский Процессуальный Кодекс РСФСР с па-
раллельным текстом ГПК УССР и с разъяснениями». Составил
Н. С. Дадьянц, член Московской губ. коллегии защитников.
Изд. 2-е, переработанное и дополненное. Изд. «Правовая За-
щита». Москва. Цена 6 руб. 80 коп.

Перед нами два повторных издания Гражданского Про-
цессуального Кодекса, почти одновременно появившегося на
книжном рынке, хотя вторая книга и помечена 1927 годом.
Первая обнимает материалы до 1 июля с. г., вторая—до 1 авгу-
ста с дополнениями во время печатания книги. Книга т. Алек-
сандровского и Лебедева не ставит перед собой больших
задач. Составители, как видно из их предисловия ко вто-
рому изданию, ограничиваются скромной целью дать хороший
справочник. Что нужно от справочника? Во-первых, чтобы он
дал необходимый материал; во-вторых, чтобы он этот мате-
риал давал как можно скорей, и, в-третьих, чтобы он был
как можно больше доступным. Необходимый материал спра-
вочник дает тогда, когда в нем сконцентрировано самое глав-
ное и устранено второстепенное, ненужное. След. мало
собрать соответствующий материал, надо его уметь прорабо-
тать, отсортировать. Второе условие достигается надлежащей
систематизацией материала, его расположением по статьям и
целым рядом технических моментов (разные шрифты, раскла-
дировка в пределах одной и той же статьи). И, наконец,
доступность требует, чтобы справочник был недорог (чтобы
им могли пользоваться все) и портативен (чтобы им могли
пользоваться всегда). Конечно, можно пожертвовать одним
из перечисленных требований в пользу другого. Можно
создать полный, объемистый справочник, которым зато могут
пользоваться лишь немногие и только дома. Можно издать
дешевый и портативный справочник, но без необходимого
материала с большими пробелами. Но искусство составителя
в том и состоит, чтобы сочетать все три момента в одном
труде. Если с этой точки зрения подойти к двум рецензируемым
сборникам, следует сказать, что т.т. Александровский и Лебе-
дев справились со своей задачей несравненно лучше, чем
тов. Дадьянц. В то время, как в первом случае составители
исправили довольно крупные недочеты первого издания,
помешавшие второму изданию книги т. Дадьянца не только
не улучшают достоинства его первого издания, а наоборот,
значительно понижают ценность книги. В книжке т. Алексан-
дровского и Лебедева дан почти исключительно официальный
материал (под официальным материалом я понимаю только
имеющие обязательную силу разъяснения и циркуляры).
Материал этот дан не полностью, а в извлечениях, и это
надо приветствовать. Дать материал полностью гораздо
легче, чем дать его в извлечениях, но надо уметь извлечь все
то, что нужно, и только то, что нужно. Составители снабжают
приводимый ими материал тезисами, что значительно облег-
чает пользование справочником. И, наконец, технически
материал расположен так, что очень легко даже при беглом
обзоре остановить внимание на том, что ищешь. Некоторые
возражения встретит систематизация материала. Так, напри-
мер, материал, приводимый под ст. 31, следовало бы поме-
стить под ст. 2. Это было бы и теоретически более правильно
и практически целесообразнее. Замечается недостаточность
проверки приводимого материала. Так, например, циркуляр
НКЮ и НКПит помещен в «Е. С. Ю.» ошибочно, как цирку-
ляр НКЮ и НКП. С такой же опечаткой он воспроизведен
и в ИТК.

Но книга т.т. Александровского и Лебедева усту-
пает книге тов. Дадьянца в полноте материала. Я скло-
нен это преимущество отнести к недостаткам. Состави-
тель собрал большой и богатый материал. Отчасти по-
тому, что составитель не имел перед собой точной и
определенной задачи и в предисловии ко второму
изданию издатели хотят видеть в книжке т. Дадьянца ком-
ментарий, а не справочник, отчасти потому, что составитель
не сумел справиться с таким большим материалом. Второе
издание получилось неудачным. Бессистемность и пестрота,
неравномерность распределения материала по главам, при-
ведение полностью всякого рода постановлений, только

косвенно или в частях затрагивающих гражд. процесс, про-
моздкость—все это вместе взятое делает книгу тяжеловесной
не только в буквальном смысле слова (40 печатных листов),
но и в отношении ее внутренних свойств. Достаточно указать,
что в систематизированном ГПК приведено полностью свыше
80 статей ГПК, кроме того около 25 статей Код. зак. об актах
гражд. состояния и т. д. Под ст. 114 ГПК помечена глава ГПК
о давности. Под ст. 2 ГПК приведена ст. 407 ГПК и решение
ВАК относительно той же ст. 407 ГПК и полностью опреде-
ление ГПК об ответственности военного ведомства за убытки,
причиненные войсковыми частями во время учебных занятий
(опять, главным образом, с точки зрения 407), постановление
СТО об оценочных комиссиях и об оценке убытков от повре-
ждений земельных угодий при производстве военно-топо-
графо-геодезических работ (размер в одну с четвертью стра-
ницы). В то же время такие кардинальные вопросы, как ст. 246
ГПК, почти не освещены, не приведены определения ГПК, ука-
зывающие, как и когда кассация может отменять реше-
ния судов первой инстанции. Под 176 ст. уделено много вни-
мания вопросу о необходимости излагать решения ясно, чтобы
не было сомнений при приведении их в исполнение, и почти
ничего не сказано о таком имеющем большое значение в су-
дебной практике вопросе, как мотивировка, обоснование
решения. Книга т. Дадьянца снабжена и выдержками под соот-
ветствующими статьями из юридической литературы. Эта
сторона составителя совсем не удалась. Я не думаю, чтобы
стоило возродить у нас тютюмщицу. (В дореволюционной
России большой популярностью пользовались издаваемые
видным работником сената кодексы с построчными приме-
чаниями и извлечениями из трудов юристов). Это создает и
усиливает у работников верхоглядство и поверхностность. Но
если уже браться за такую работу, то делать ее следует не
механически. Вопреки заявлению издателей, обещающему
дать выдержки из юридической литературы в том случае,
когда таковой освещаются вопросы, не получившие официаль-
ного разъяснения, составитель дает извлечения их без вся-
кого плана, без разбора. Трудно установить какую-нибудь
систему в выборе материала, какую-нибудь руководящую
идею. Тут все: и комментирование отдельных статей Кодекса,
и определения теоретического характера, тут приведены и про-
сто рассуждения различных авторов. Вопрос об основании
иска, встречном иске, решении и определении—все это, слов
нет, очень серьезные вопросы, но искать их разрешения
в книге, посвященной технике гражданского процесса,
мудрено. Выдержки слишком длинные, случайны и не раз-
ясняют сущности вопроса. Наша довольно богатая журналь-
ная литература по гражданскому процессу использована
очень мало. Нет ни одной выдержки по вопросу о граждан-
ском иске в уголовном суде, по вопросу об обеспечении
иска извлечение только из одной статьи и т. д. Совер-
шенно не использованы комментарии Шоста, Малицкого,
статьи Лучанинова по исполнительному процессу (имеется
только одна выдержка из его сборника). Под 4 ст. приведе-
на цитата Шехтера и ни слова из статьи Гейхбарга в «Сов.
праве». И, конечно, все поля зрения составителя находится
«Энциклопедия государства и права» (изд. Комкадемии).

Составитель приводит параллельно с текстом ГПК РСФСР
текст ГПК УССР и разъяснения Верховного Суда УССР. Это
необходимо было сделать. Мы мало знаем, что делается
у наших соседей. Некоторые опасения вызывает лишь предис-
ловие от издательства, в котором издатели указывают на
общность судебной системы РСФСР и УССР и возможность
использовать разъяснения органов УССР в нашей судебной
практике в тех случаях, когда у нас вопрос недостаточно
выяснен. Различия между ГПК РСФСР и УССР, как и между
целым рядом законодательных актов в области хозяйствен-
ного права, в толковании процессуального и материального
права имеют более глубокие основания, чем это кажется
авторам предисловия, и против понятия «украинизация»
нашего процесса я бы решительно возражал. Я не сомне-
ваюсь, что судебная практика даст отпор таким попыткам.

Все вышеуказанные недостатки книги т. Дадьянца легко
устранить, требуется лишь опытная умелая редакторская
рука, ее отсутствие сказывается сильно. Книга Дадьянца
может быть использована более или менее опытным работни-
ком, который, затратив некоторое время и труд, сумеет разо-
браться в собранном составителем материале. В этом отно-
шении ГПК т.т. Александровского и Лебедева представит
гораздо больше преимуществ.

С. Прушицкий.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

СОДЕРЖАНИЕ: Циркуляры НКЮ №№ 200, 202, 205, 206, 207. — Разъяснения пленума Верховного Суда.

ЦИРКУЛЯРЫ НАРКОМУСТА.

НКЮ № 200.
Циркуляр НКВсма № 413.

Всем краевым, обл. и губ. исполн. комит. и всем краевым обл., губ. судам.

О порядке оформления направляемых за границу документов.

1. Направляемые за границу документы: доверенности, свидетельствуемые в нотариальном порядке, документы с засвидетельствованием подлинности подписей, копии, удостоверяемые в их верности, и т. д., представляются для засвидетельствования в нотариальные конторы. Если представление документов для засвидетельствования в нотариальную контору почему-либо затруднительно, направляемые за границу документы могут свидетельствоваться нарсудьями в поселениях, где не имеется нотариальных контор.

2. Указанные документы после засвидетельствования в нотариальной конторе или у народного судьи представляются заинтересованными лицами в Нар. Ком. Юстиции (и/отдел гос. нотариата) для удостоверения подписи нотариуса или нарсудьи, после чего эти документы представляются для легализации в Нар. Ком. Иностранных Дел (юридическая часть упр. делами) и в консульство соответствующей страны.

3. Все документы, засвидетельствованные нотариальными конторами либо нарсудьями Владивостока, Ленинграда и Сахалина, не нуждаются в дальнейшей отправке их в Наркомост НКИД, а подлежат легализации в местных агентствах НКИД, которые и направляют указанные документы непосредственно.

4. Районные и волостные исполнительные комитеты и сельские советы должны направлять лиц, нуждающихся в засвидетельствовании высланных за границу документов, в нотариальные конторы или к народным судьям, где не имеется нотариальных контор.

5. Губ., обл. и краевые суды должны обратить внимание на аккуратное исполнение требования § 9 инструкции НКЮ № 180—1925 г. относительно присылки в Наркомост образцов печатей нотариальных контор и подписей нотариусов и их заместителей. Нотариальные конторы Владивостока и Ленинграда и нарсудьи Сахалина направляют образцы печатей и подписей в соответствующие агентства НКИД.

6. Требуемые циркуляром НКЮ от 9 июля 1926 г. за № 106 анкеты и автобиографии народных судей должны быть заполняемы последними в двух подлинных экземплярах с собственноручными подписями на обоих экземплярах. Один экземпляр хранится в делах губсуда, а другой направляется губсудом в НКЮ в порядке циркуляра № 106. Подлинность подписей нарсудей на направляемых за границу документах будет удостоверяться на основании подписей их на анкетах.

7. Замечено, что засвидетельствование часто производится без соблюдения установленных правил. Предлагается в точности соблюдать формы, приложенные к инструкции № 180, 1925 г., в особенности формы №№ 7, 9, 10 и 11. Если документы излагаются на иностранном языке или с приложением перевода на иностранный язык, должны применяться правила ст. 14 полож. о гос. нотариате. Правильность перевода должна быть удостоверена нотариусом, а если нотариус не знает языка, на котором изложен документ, должна быть удостоверена подпись переводчика. Перевод должен быть положен на том же листе, что и подлинник на иностранном языке. Если подлинник и перевод помещены на разных листах, эти листы должны быть сшиты и пропечатаны сургучной печатью.

Часто документы излагаются по присланным из-за границы формам, писанным по правилам дореволюционной орфографии. Такие документы должны быть переписаны с соблюдением правил действующей орфографии.

Нар. Ком. Юстиции Курский.

Нар. Ком. Внутр. Дел Белобородов.

Уполномоченный Нар. Ком. Иностр. Дел при Правительстве РСФСР Аралов.

3 ноября/28 октября.

Циркуляр № 202.

Всем краевым, обл. и губ. судам.

О не обращении взысканий на суммы, выплачиваемые военнослужащим взамен выдачи натурой личного или семейного красноармейского пайка, вещевого довольствия или предоставления жилой площади и коммунальных услуг (приказы Реввоенсовета Союза ССР за 1925 г. № 163 и № 1166.)

В виду того, что выплаты, производимые военнослужащим согласно приказов Реввоенсовета СССР за 1925 г. № 163 и № 1166, носят целевой характер и должны быть без каких-либо удержаний и вычетов выданы военнослужащим, Народный Комиссариат Юстиции предлагает судебным исполнителям или другим органам, приводящим в исполнение судебные решения, не обращать взысканий на суммы, выдаваемые военнослужащим в порядке приказа Реввоенсовета СССР № 163 и № 1166 за 1925 год.

Народный Комиссар Юстиции Курский.

Член Коллегии НКЮ Бранденбургский.

9 ноября 1926 г.

Циркуляр № 205.

Всем губ. (обл., край) судам и пронурорам.

О допросе в качестве свидетелей членов и председателей ревизионных комиссий органов ВСНХ.

По имеющимся в НКЮ сведениям, нередко наблюдаются случаи вызова и допроса в качестве свидетелей судебными и следственными органами председателей и членов ревизионных комиссий предприятий, подведомственных ВСНХ. Чаще всего это бывает по делам о должностных преступлениях, возбуждаемым в результате этих обследований.

Также вызовы, особенно, когда они сопряжены с выездами в различные города СССР, отрывают работников ревизионных комиссий на продолжительное время от исполнения должностных обязанностей и в виду ограниченного (3-членного) состава ревизионных комиссий отражаются отрицательно на всем ходе ревизионной работы.

Имея в виду, что материалы ревизионных обследований, представляющие собою акты за подписями не только ревизоров, но и представителей администрации обследуемого учреждения или предприятия, должны, как правило, признаваться письменными документами, имеющими силу доказательств (ст. 58 УПК), и что при производстве предварительного или судебного следствия дополнительные данные ревизионного характера могут быть получены путем письменных сношений с подлежащими органами, НКЮ предлагает использовать впрямь материалы ревизионных комиссий органов ВСНХ в соответствии с указаниями настоящего циркуляра, вызывая членов ревизионных комиссий в качестве свидетелей лишь в случаях крайней необходимости, о чем должно быть составлено каждый раз особое мотивированное постановление.

Нар. Ком. Юстиции и Прокурор Республики Курский.

13 ноября 1926 г.

Циркуляр № 206.

Краевым, обл. и губ. судам

Наркомфинам авт. республик, уполнаркомфину при ЭКОСР Сев.-Зап. обл., зав. край-, обл. и губфиноделам РСФСР.

Об освобождении от гербового и нотариального сборов сделок, связанных со строительством жилищ для рабочих и служащих.

В виду имевших место случаев неправильного толкования нотариальными конторами ст. 6 постановления ЦИК и СНК СССР от 16 октября 1925 г. о предоставлении гос. предприятиям льгот по строительству рабочих жилищ («С. З.» 1925 года № 74, ст. 542), Нар. Ком. Юстиции и Финансов РСФСР разъясняют, что предусмотренное этой статьей освобождение от гербового и нотариального сборов должно рас-

пространяться на документы по сделкам госпредприятий, связанные со строительством жилищ не только для рабочих, но и для служащих.

Нар. Ком. Юстиции **Курский.**

За Нар. Ком. Финансов **Левин.**

16 ноября 1926 г.

Циркуляр НКЮ № 207.
НКФ РСФСР № 31382/00.

Край-, обл- и губфинотделам.

Край-, обл- и губ судам и прокурорам.

О порядке расходования кредитов на путевое довольствие и оплату свидетелей и экспертов.

В судебных учреждениях и органах прокуратуры расход на путевое довольствие и оплату свидетелей и экспертов в значительной степени зависит от количества дел, подлежащих рассмотрению выездными сессиями, и плановой работы прокурорского надзора по обследованию и производству ревизий.

Ежемесячный расход на указанные надобности не всегда представляется возможным уложить без ущерба для дела в одну треть квартального ассигнования. Наркомфин РСФСР и Наркомюст РСФСР, учитывая необходимость бесперебойной работы органов юстиции, разрешают крайевым, губернским и областным судам и прокурорам расходовать кредит по § 13 на путевое довольствие и по § 15 ст. 1 на вознаграждение свидетелей и экспертов не равномерными ежемесячными долями, а по мере действительной потребности, не выходя, однако, ни в коем случае за рамки квартального назначения.

Нар. Ком. Финансов РСФСР **Милютин.**

Зам. Нар. Ком. Юстиции и Ст. Пом. Прокурора

Республики **Крыленко.**

18 ноября 1926 г.

Раз'яснения пленума Верховсуда РСФСР

от 1 ноября 1926 г. (протокол № 18).

По постановлению пленума Рязанского губсуда от 17 августа 1926 г. по заявлению гр-ки Мраморовой-Николиной об установлении факта ее сожительства в незарегистрированном браке с умершим гр-ном Николиным.

1. Признать, что нарсуд правильно отказал в принятии к своему производству заявления гр-ки Мраморовой-Николиной об установлении в бесспорном порядке факта ее сожительства в незарегистрированном браке с умершим Николиным, ибо согласно пост. пленума Верховсуда от 27 сентября 1924 г. с введением ГПК дела по удостоверению фактов при отсутствии искового спора изъят из ведения нарсудов.

2. Вместе с тем признать, что административные органы не вправе требовать от обращающихся к ним заявителей судебного удостоверения того или иного факта и в тех случаях, когда представление подобного рода удостоверения предусмотрено было соответствующим законом или инструкцией, изданными до введения в действие ГПК, т. к. с изданием ГПК требуемые факты должны быть удостоверены несудебным порядком.

3. Войти с предложением в НКЮ об издании совместного с НКТ и НКСО циркуляра о порядке удостоверения в несудебном порядке наличия фактических брачных отношений в незарегистрированном браке при возбуждении ходатайства о назначении пенсии и т. п. помощи от соцстраха или собеса.

О ст. 171 Гр. Код.

Принимая во внимание:

1) что предоставление госучреждением или предприятием своему служащему или рабочему жилого помещения в арендном учреждением или предприятием для размещения своих сотрудников доме надлежит рассматривать как субарендный договор, по которому проживание служащего или рабочего обусловлено состоянием его на службе в данном учреждении или предприятии;

2) что поэтому при утрате проживающими в таких домах служащими или рабочими связи с учреждением или предприятием дальнейшее их проживание в этих домах является пользованием помещением в противоречии с основным условием субарендного договора, — пленум Верховного Суда разъясняет, что госучреждения или предприятия, которыми заарендованы дома, вправе судебным порядком, согласно п. «г» 171 ст. ГК, требовать выселения лиц, потерявших служебную связь с учреждением или предприятием как нанимателей, использующих помещение не в соответствии с договором, при чем решения о выселении на этом основании лиц, принадлежащих к трудовому элементу, могут быть выносимы судами лишь в случаях предоставления учреждением или предприятием выселяемому пригодного по заключению жилищно-санитарной инспекции жилого помещения и средств для бесплатной перевозки имущества выселяемого.

О применении ст. 254 ГПК.

1. Раз'яснить, что пленум губ., главн., обл. и краевых судов, рассматривая гражданские дела в порядке надзора, выносит по этим делам окончательное решение простым большинством голосов, при чем несогласие пленума с приносимым протестом не влечет за собою направления дела в Верховсуд. Постановления пленума по этим делам могут быть опротестованы в ГПК Верховсуда лишь Центральной Прокуратурой (1 п. ст. 254-6 ГПК).

2. В виду того, что копии постановлений пленума губ., обл., главн. и краевых судов, выносимых ими в порядке 1 п. ст. 254-6 ГПК, высылаются согласно циркуляра НКЮ за № 146—1926 г. Пом. Прокурора Республики при Верховсуде и поэтому посылка этих же постановлений в Верховсуд, как того требует 1 п. ст. 254-6 ГПК, является излишней, предложить всем судам прекратить посылку этих постановлений в Верховный Суд, ограничиваясь посылкой их Помощнику Прокурора Республики при Верховном Суде.

О дополнении пост. пленума Верховсуда от 15 июня 1925 г. по вопросу о допущении в исключительных случаях отсрочек в исполнении решений по гражданским делам после его вынесения.

Раз'яснить, что постановления суда, выносимые в силу раз'яснения пленума Верховного Суда от 15 июня 1925 г. 1) об отсрочке исполнения решений по гражданским делам, а также отказ в отсрочке исполнения решений, обжалованию не подлежат.

Одновременно подтвердить, что указанное раз'яснение пленума Верховсуда о праве суда отсрочить исполнение уже вынесенных решений должно применяться лишь в исключительных случаях, и притом, когда в этом заинтересованы трудящиеся, и что в этих исключительных случаях суд вправе отсрочить исполнение решения и после вступления его в законную силу.

ПОПРАВКИ.

В циркуляре № 162—26 г., помещенном на стр. 1104 № 37 «Е. С. Ю.» в конце последнего абзаца напечатано: «согласно § 92 перечня изъятий по гербовому сбору», следует: «согласно § 92 подробного перечня бумаг, актов и документов, подлежащих гербовому сбору и изъятых от него».

1) Опубликовано в № 27 «Е. С. Ю.» за 1925 г.

Ответственный Редактор: Нар. Ком. Юст. **Д. Курский.**

Издатель { Юридическое Издательство
НКЮ РСФСР.

Редакционная Коллегия { **Н. Крыленко.**
Я. Бранденбургский.
С. Прушицкий.

Москва, Главлит № 67.395.

«Мосполиграф», 16-я типография, Трехпрудный, 9.

16.500 экз.